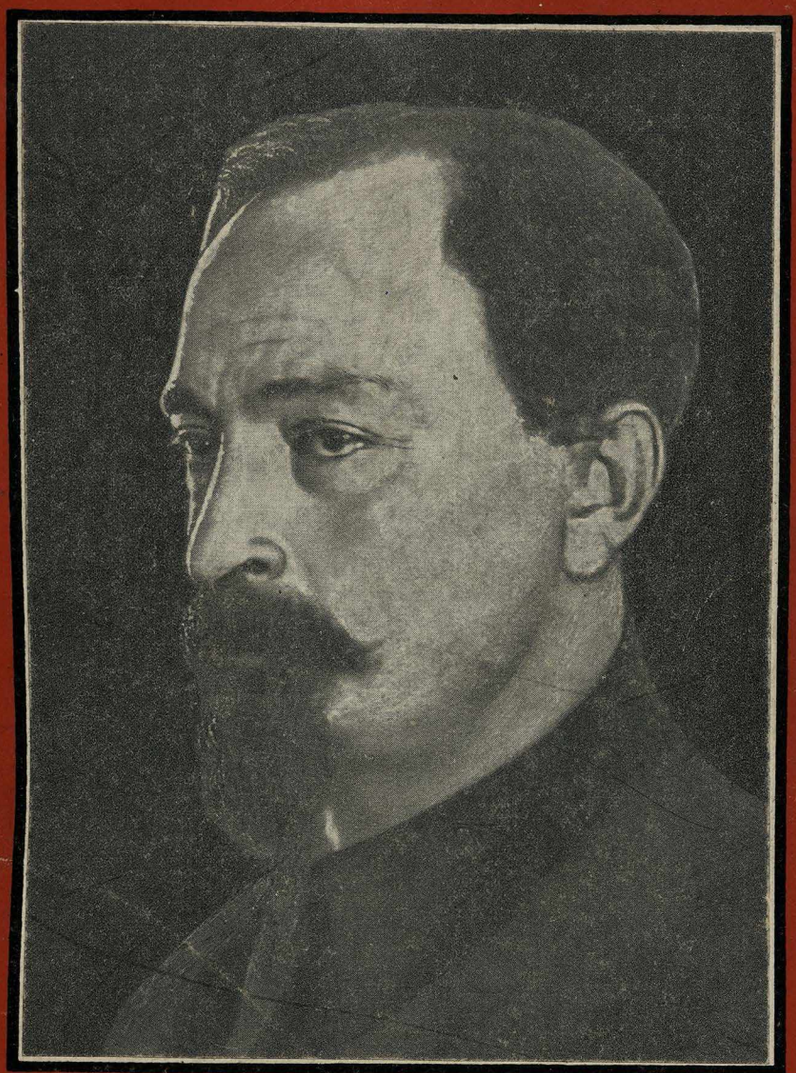
W 426/78

ДЗЕРЖИНСКИЙ

W 426/78



1877—1926

5 фотоснимков отдельно.

Ж 426/78

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.
СТАТЬИ и РЕЧИ
ФОТО-ИЛЛЮСТРАЦИИ
СОБРАНИЕ МАТЕРИАЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „УГОЛОК ЛЕНИНА"

2020074784

Российская Публичная Библиотека имени Ленина
III-52840

Правительственное сообщение.

Сегодня, 20 июля, в 16 час. 40 мин., на своей квартире, от приступа грудной жабы скоропостижно скончался Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства Союза ССР и Председатель Объединенного Государственного Политического Управления Союза ССР

тов. Феликс Эдмундович ДЗЕРЖИНСКИЙ.

Человек исключительной энергии и целиком преданный делу Революции, он горел деятельным огнем на своих ответственнейших постах.

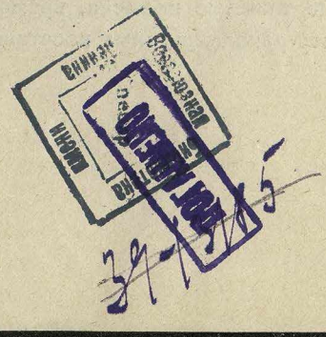
Он и сгорел на своем посту.

Смерть застигла товарища Дзержинского через 3 часа после его горячей и содержательной речи на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Весь пленум с напряженнейшим вниманием слушал своего любимого товарища.

Правительство Союза ССР, застигнутое неожиданной смертью одного из самых выдающихся деятелей, не находит слов к оценке настоящей потери в лице товарища Дзержинского для всего Союза ССР.

Умер человек, который не только руководил делом развития народного хозяйства Союза ССР, но который был одним из героев Октябрьской Революции и все время стоял на-страже ее завоеваний.

Москва, Кремль, 20 июля 1926 г.



Обращение ЦК и ЦКК ВКП (б).

Ко всем членам партии.

Ко всем рабочим.

Ко всем трудящимся.

К Красной армии и флоту.

Товарищи!

Сегодня партию постиг новый тяжкий удар. Скоропостижно скончался от разрыва сердца товарищ Дзержинский, гроза буржуазии, верный рыцарь прелетариата, благороднейший борец коммунистической революции, неутомимый строитель нашей промышленности, вечный труженик и бесстрашный солдат великих боев.

Товарищ Дзержинский умер внезапно, придя домой после своей речи — как всегда страстной — на пленуме Центрального Комитета. Его больное, вконец перетруженное сердце отказалось работать, и смерть сразила его мгновенно. Славная смерть на передовом посту!

Наша партия в лице товарища Дзержинского теряет одного из самых выдающихся и самых героических своих вождей. В застенках царской России, в сибирской ссылке, в нескончаемо долгие годы каторжной тюрьмы, в кандалах и на свободе, в подполье и на государственном посту, в Чека и на строительной работе, — всегда, везде, всюду Феликс Дзержинский был на передовой линии огня. Он строил с беззаветным героизмом пролетарскую партию Польши и Литвы, в самые ужасные годы был неустрашимым подпольным революционером, и как только великая революция расковала его кандалы, сразу стал в боевую большевистскую шеренгу. Герой Октябрьского восстания и один из его руководителей, Дзержинский вскоре стал на самый тяжелый и мучительно-трудный пост. Под его руководством отражала Чека натиски врагов. В самые тяжелые времена, времена бесконечных заговоров и контр-революционных восстаний, когда советская земля пылала в огне, и кровавое кольцо врагов окружало бившихся за свое освобождение пролетариев, Дзержинский проявлял нечеловеческую энергию, дни и ночи, ночи и дни, без сна, без еды, без малейшего отдыха работая на своем сторожевом посту. Ненавидимый врагами рабочих, он пользовался громадным уважением даже среди них. Его рыцарская фигура, его личная отвага, его глубочайшая принципиальность, его прямота, его исключительное благородство создали ему громадный авторитет. Его заслуги громадны. Переоценить их нельзя.

Но вот кончилось время гражданских боев. И тов. Дзержинский посылается на новую передовую позицию. Он собирается в поход против разрухи, с нечеловеческой энергией борется за наш транспорт, а потом за нашу промышленность. „Мирная полоса“, которая для других стала временем отдыха, для Дзержинского этого отдыха не дала. И теперь он работал и днем и ночью. И теперь он не знал „праздников“. И теперь он все силы своей личности, своего огромного темперамента, своего ума и своей воли отдавал делу, за которое сражался всю жизнь. Его дело было прекрасно. Прекрасной была его замечательная жизнь. Прекрасна его смерть на боевом посту.

Мы склоняем свои боевые знамена над твоим телом, бесстрашный наш друг! Мы призываем всех трудящихся, всех пролетариев отдать свой последний долг бойцу, имя которого незабвенно, дело которого завоюет мир.

Да здравствует коммунизм!

Да здравствует наша партия!

Центральный Комитет ВКП (б).

Центральная Контрольная Комиссия ВКП (б).

20 июля 1926 г.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	2003.
					5	Я	К-534 / 39	

Всем коммунистам.

Рабочим всех стран.

20 июля 1926 года внезапно умер от разрыва сердца Феликс Дзержинский. В его лице российская и мировая революция теряет одного из наиболее храбрых, решительных борцов, одного из величайших организаторов, одного из крупнейших вождей.

С ранней молодости до своего последнего вздоха, Дзержинский стоял в рядах большевиков на фронте пролетарской революции. Жизнь Дзержинского — это десятилетия подпольной работы, десятилетия беспрестанных жертв, десятилетия незабвенных подвигов в деле освобождения рабочего класса.

Как член и вождь социал-демократической партии Польши и Литвы — впоследствии коммунистической партии Польши — Дзержинский в период подпольной работы при царизме явил живой пример упорного партийного работника, презирающего смерть. Он прошел тюрьму и каторгу. Он прошел сибирскую ссылку. Он изведал эмиграцию в Австрии и Германии. Он стоял перед судом и с невозмутимым спокойствием встречал самые суровые приговоры. Много раз арестованный, сосланный, осужденный и изгнанный Дзержинский ни на одну минуту не прерывал своей революционной работы. Он бежал из тюрьмы, из Сибири, он спешил из эмиграции, чтобы броситься в самые опасные места фронта пролетарской классовой борьбы.

Освобожденный из тюрьмы российской Февральской революцией, Дзержинский принимал самое активное участие в подготовке и проведении большевистской революции. Как член Центрального Комитета партии большевиков и Военного Революционного Комитета Ленинградского Совета, он был одним из величайших военных вождей победы в Октябре 1917 года.

В борьбе за защиту пролетарской диктатуры Дзержинский создал и руководил ВЧК, этим неотразимым метким, смертоносным оружием против всех врагов трудящихся.

С тех пор с именем Дзержинского неразрывно связаны бессильная ненависть всех предателей, палачей и белогвардейцев, слепая злоба разбитой контр-революции, но вместе с тем и гордость, уважение и любовь трудящихся всех стран.

По окончании гражданской войны Дзержинский посвятил все свои силы восстановлению советской страны, восстановлению и развитию ее хозяйства. Как народный комиссар путей сообщения, он добился подъема разрушенного транспорта. Как председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, он стоял в первых рядах в борьбе за строительство социализма.

Его последние слова, произнесенные им за несколько часов до смерти, были посвящены заветам Ленина — победе социализма, делу международной пролетарской революции.

Феликс Дзержинский, самый близкий боевой товарищ Розы Люксембург, верный ученик и соратник Ленина, принадлежит не только русским, польским и литовским рабочим, но всему международному пролетариату.

Его неутомимая, бесконечно разнообразная энергия, его организаторский гений, его храбрость, его непоколебимая верность партии, его образцовая, полная борьбы жизнь должны сохраниться в памяти всех коммунистов, всех рабочих, всех трудящихся. После Ленина и Фрунзе мы потеряли Дзержинского. Незаменимые утраты! Но дело революции живет и будет жить. Ленинизм непобедим.

Да здравствует партия большевиков!

Да здравствует международная пролетарская революция!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Москва, 20 июля 1926 года.

ПРИКАЗ

Революционного Военного Совета СССР.

№ 389.

Москва, 20 июля 1926 г.

20 июля, в 16 час. 40 мин., скончался председатель Высшего Совета Народного Хозяйства и Объединенного Государственного Политического Управления Феликс Эдмундович Дзержинский.

Смерть настигла его на партийном и служебном посту.

Рабочие и крестьяне Союза потеряли пламенного борца. Советское правительство лишилось мудрого государственного деятеля. Красная армия потеряла героического строителя обороны СССР, партия — лучшего и преданнейшего бойца.

Весь тяжелый, но твердый и уверенный жизненный путь тов. Дзержинского был направлен к великим победам трудящихся. Больше 30 лет жизни и героической деятельности Феликс Эдмундович отдал на службу пролетарской революции. Ни варшавская цитадель, ни суровая сибирская ссылка, ни долголетняя каторга — ничто не могло сломить энергию и непреклонную волю старого закаленного большевика.

Испытанный соратник Ленина, тов. Дзержинский в великие дни Октября был членом Военно-Революционного комитета, был одним из организаторов побед Октябрьской революции.

Молодая советская республика на заре своего существования испытывала небывалые затруднения: извне грозил немецкий империализм, внутри страны поднялся шквал контр-революции и саботажа. На борьбу с ними советская власть в декабре 1917 г. выдвинула в качестве руководителя тов. Дзержинского. Возглавленная им Всероссийская Чрезвычайная Комиссия наносит ряд сокрушающих ударов врагам пролетарской диктатуры. Железной рукой поддерживает тов. Дзержинский порядок внутри страны в то время, как Красная гвардия, а затем Красная армия отражают бешеный натиск врагов на фронтах.

В годы наибольшей опасности для рабоче-крестьянской страны Феликс Эдмундович всей душой отдается военной работе. Начальник тыла Украинского фронта, а в польскую кампанию 1920 г. — член Революционного Военного Совета Западного фронта, он отдает все свои силы боевой деятельности Красной армии.

Наступает полоса мирного строительства. Тов. Дзержинский в первых рядах хозяйственников. Он не дает замереть транспорту в тяжкие годы голода и разрухи; своей кипучей энергией и неустанным трудом он ведет его к восстановлению. Наконец, тов. Дзержинскому вверяется Высший Совет Народного Хозяйства Союза.

Безопасность страны составляет предмет неусыпных забот Феликса Эдмундовича. Он остается бессменным председателем Объединенного Государственного Политического Управления. Вместе с тем, он стоит во главе войск ОГПУ.

Не стало бесстрашного и мужественного борца!

Безвременно скончался преданнейший воин Красной армии, почетный красноармеец и курсант, доблестный краснознаменец!

Красная армия у праха пролетарского вождя склоняет свои боевые знамена.

Велика потеря в рядах воожруенных сил. Теснее сомкнем ряды!

Будем бороться во имя коммунизма с той же беззаветностью, самоотверженностью и преданностью, как боролся до последнего своего дня наш незабвенный боевой товарищ Дзержинский!

Народный комиссар по военным и морским делам и председатель Революционного военного совета Союза ССР К. ВОРОШИЛОВ.

ПРИКАЗ

по Высшему Совету Народного Хозяйства СССР.

№ 872.

Москва, 20 июля 1926 г., 20 часов.

Сегодня паралич сердца сразил нашего руководителя — умер Феликс Эдмундович Дзержинский.

Смерть вырвала из нашей среды одного из самых лучших товарищей, старого, закаленного, стойкого и верного борца за социализм, непоколебимого революционера, человека исключительной честности и прямоты. Рабочий класс и его партия потеряли в лице Феликса Дзержинского одного из своих лучших передовых борцов.

Тяжка эта утрата для всей рабоче-крестьянской страны

Особенно тяжка смерть тов. Дзержинского для промышленности. Промышленность потеряла не просто председателя ВСНХ, — промышленность потеряла своего руководителя, характерной особенностью коего являлась способность объединить вокруг себя всех работающих в промышленности, сплотить их и зажечь энтузиазмом строительства и борьбы.

В течение последних лет тов. Дзержинский почти всю свою энергию, весь свой пламенный энтузиазм коммуниста, всего себя отдавал делу развития нашей промышленности. Идеи союза рабочих и крестьян и строительства социализма были его руководящими идеями. И мы, его ближайшие сотрудники и помощники, видели, с какой неослабной энергией, с какой могучей, всех захватывающей страстью работал он над улучшением промышленности, над улучшением материального положения трудящихся и условий их труда, над снижением стоимости промышленной продукции, над снижением розничных цен, над улучшением торговой связи промышленности с крестьянским хозяйством, над улучшением обслуживания потребителя. Мы знали, как мучили его недостатки промышленности. Никакие „достижения“ и „успехи“ его не успокаивали, — каждое действительное достижение, каждый подлинный успех он делал исходным пунктом для дальнейшего движения вперед. Смело и беспощадно вскрывал он язвы промышленности, но он вскрывал их любящей рукой, вскрывал для того, чтобы лечить и уничтожать их. Мы знали, как днем и ночью неустанно трудился он, не щадя своих сил, трудился над делом развития социалистической промышленности, этой основной базы индустриализации Советского Союза.

Велики заслуги тов. Дзержинского в деле строительства нашей промышленности и нашего хозяйства. Велики заслуги тов. Дзержинского в деле продвижения нашей страны вперед по пути к социализму. Тяжка эта утрата.

Исключительной любовью пользовался тов. Дзержинский в нашей среде, в среде его помощников, сотрудников, подчиненных, в среде его товарищей по делу созидания социалистической промышленности. Велика скорбь наша от потери нашего старшего товарища.

Громадно значение тов. Дзержинского, как руководителя промышленности, и огромна утрата такого руководителя. И у нас, оставшихся, может быть только один ответ на смерть Дзержинского:

— дружнее работать, со всей энергией продолжать трудную работу строительства нашей промышленности, твердо и упорно итти вперед по пути к социализму и не запятнать то знамя, под которым шел Дзержинский.

Зам. председателя ВСНХ СССР Г. ПЯТАКОВ.

ПРИКАЗ

по войскам и органам ОГПУ.

20 июля 1926 г., в 16 час. 40 мин., скоропостижно скончался от разрыва сердца председатель ОГПУ и председатель ВСНХ СССР тов. Феликс Эдмундович Дзержинский.

Советский Союз, рабочий класс СССР понесли громадную, не поддающуюся определению утрату. Ушел из жизни один из крупнейших организаторов и творцов Октябрьской революции, один из крупнейших организаторов победы пролетарской революции над старым миром, несравненный организатор и строитель нашего социалистического хозяйства. Ушел из жизни первый чекист.

Ушла от нас навсегда эта несгибаемая, стальная воля, эта несокрушимая революционная энергия. Ушел этот неутомимый, непреклонный солдат революции. Ушел из мира вождь славной фаланги революционных борцов-чекистов, закаленных в борьбе с темными силами контрреволюции.

Безмерна эта утрата в особенности теперь, когда, с одной стороны, рабочий класс СССР одержал первые серьезные успехи на хозяйственном фронте, когда происходит бурный рост социалистического хозяйства, а с другой стороны, приходится преодолевать небывалые трудности этого роста. Неоценима эта горестная потеря именно теперь, в обстановке нарастающих международных трудностей для Советского Союза.

Покойный вождь всегда был для нас примером непоколебимого, спокойного и решительного мужества. Этот неожиданный уход его от нас не застанет нас врасплох, не вызовет в нас растерянности. Боевой орган пролетарской диктатуры спокойно и твердо будет стоять на своем славном революционном посту. Смерть вождя и учителя еще крепче, еще теснее сплотит ряды революционных борцов за дело рабочего класса.

Трудное дело строительства социализма в нашей стране требует неустанного напряжения воли и энергии над делом организации и обеспечения революционного порядка.

Коллегия ОГПУ призывает вас бдительно и зорко стоять на-страже пролетарской революции и с неослабной энергией следовать заветам нашего дорогого вождя.

Вечная слава почившему вождю, товарищу и учителю!

Да здравствует пролетарская революция!

Да здравствует ВКП (б)!

Да здравствует коммунизм!

Приказ прочесть всем сотрудникам органов ОГПУ, во всех ротах, дивизионах, эскадронах и на судах ОГПУ.

Коллегия ОГПУ.

Москва, 20 июля 1926 года.

Феликс Эдмундович ДЗЕРЖИНСКИЙ.

Биографические данные о тов. Ф. Э. Дзержинском.

Дзержинский, Феликс Эдмундович, род. в 1877 году. Учился в виленской гимназии, в 1894 году, будучи в 7-м классе гимназии, вошел в с.-д. кружок саморазвития, в 1895 г. вступил в „литовскую социал-демократию“, вел кружки ремесленных и фабричных учеников (получил от них имя „Яцек“), изучая в то же время марксизм. Вышел добровольно из 8-го класса гимназии в 1896 г., чтобы быть ближе к массе рабочих. Несмотря на противодействие „рабочих верхушек“ стремлению интеллигенции проникнуть в рабочую среду, т. Дзержинскому удалось сделаться агитатором и проникать в совершенно нетронутые массы.

Феликс Дзержинский.

В начале 1897 г. партия отправила тов. Дзержинского в Ковно, промышленный город, где не было еще с.-д. организации и где провалилась организация польской социалистической партии (ППС). Здесь тов. Дзержинский вошел в самую гущу фабричных масс, столкнулся с ужасающей нищетой и эксплоатацией, особенно женского труда, и здесь на практике научился организовывать стачки. Во второй половине года тов. Дзержинский был арестован по доносу рабочего-подростка, при чем назвался Жебровским.

В 1898 г. тов. Дзержинский был выслан на 3 года в Вятскую губ., сначала в Нолинск, затем, в наказание за строптивый характер и скандал с полицией, а также за то, что стал работать набойщиком на махорочной фабрике, на 500 верст дальше на север, в село Кайгородск. В августе 1899 г. тов. Дзержинский бежал на лодке и возвратился в Вильно, где резко выступил против национализма литовской с.-д. организации. Отсюда т. Дзержинского направили за границу, но он предпочел поехать в Варшаву, чтобы здесь завязать связь с рабочими, и скоро привлек на сторону с.-д. организации целые группы рабочих разных профессий (работая под прозвищами „Астроном“ и „Франек“).

В феврале 1900 г. тов. Дзержинский был арестован на собрании, сидел сначала в варшавской цитадели, а затем в седлецкой тюрьме и в 1902 г. был выслан на 5 лет в Восточную Сибирь. По дороге в Вилюйск тов. Дзержинский бежал из Верхоленска и эмигрировал за границу. Здесь он принял участие в партийной конференции с.-д. Польши и Литвы в Берлине. Поселился в Кракове для работы по связи (псевдоним с этого времени „Юзеф“).

До января 1905 г. наезжал от времени до времени в русскую Польшу для подпольной работы, а затем переехал туда совсем для работы в качестве члена главного правления с.-д. Польши и Литвы. В июле 1905 г.

Дзержинский был арестован и освобожден только по октябрьской амнистии. В 1906 г. был делегирован на стокгольмский объединительный съезд РСДРП и вошел в ЦК партии, как представитель с.-д. Польши и Литвы.

В конце 1906 г. тов. Дзержинский был арестован в Варшаве, в июне 1907 г. освобожден под залог. 13 апреля 1908 г. тов. Дзержинского снова арестовывают, судят два раза по старому и новому делу и в конце 1909 г. высылают на поселение в Сибирь, в Тасеевку, Енисейской губ.; но тов. Дзержинский, пробыв здесь всего 7 дней, вновь бежал и через Варшаву скрылся за границу. Снова поселившись в Кракове, тов. Дзержинский наезжал оттуда в Польшу. В 1912 г. он был арестован в Варшаве и присужден к 3 годам каторги. В 1914 г. был отправлен в Орел, где и отбыл каторгу. Затем его пересылают в Москву, здесь в 1916 г. судят за партийную работу периода 1910 и 1912 гг. и прибавляют еще 6 лет каторги.

Тов. Дзержинский в период Октябрьских дней.

Из московского централа тов. Дзержинского освободила Февральская революция 1917 года. До августа тов. Дзержинский работает в Москве, в августе делегируется московской организацией на съезд РСДРП (больш.), который выбирает его в ЦК партии. Тов. Дзержинский остается в Петрограде.

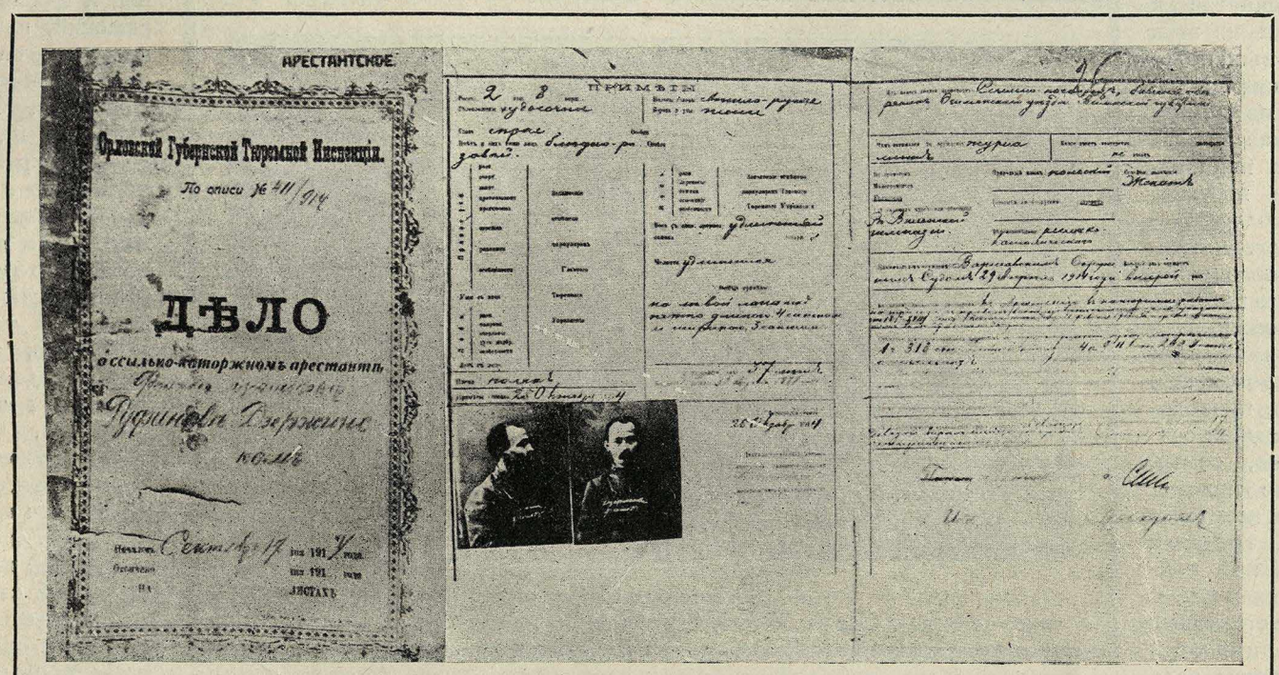
В Октябрьской революции он принимал активнейшее участие в качестве члена военно-революц. комитета, затем на него была возложена задача организации для борьбы с контр-революцией Всероссийской чрезвычайной комиссии, и он был назначен председателем ее, состоял в то же время наркомом внудел; с 14 апреля 1921 г. был наркомом путей сообщения, затем стал в 1924 г. во главе ВСНХ СССР.

Тов. Дзержинский — один из активнейших вождей нашей партии. Он — несменяемый член ЦК партии с 1917 г., а также кандидат в члены Политбюро.

Меч, молот и великий огонь.

Строитель социал-демократии в Польше.

Социал-демократия Польши рождена из великих забастовок, охвативших в 90 годах польские рабочие районы, и из опыта распада полутеррористической, полузаговорщической первой социалистической партии в Польше. „Партия Пролетариата“, рожденная в бою с социал-патриотическим течением в 1893 г., скоро подверглась массовым арестам и была полностью разгромлена. Легкость, с которой удалось царской полиции ее разгромить, средственную связь со страной. Эту связь восстановил 23-летний молодой революционер Феликс Дзержинский, бежавший из ссылки. После разгрома 1895 — 6 года, только в начале 20-го столетия воссоздается, благодаря его усилиям, марксистская интернационалистская социал-демократия Польши и Литвы. Дзержинский является ее зодчим и остается ее душой в продолжение больше 10 лет. Можно сказать, что социал-демократия Польши и Литвы —


АРЕСТАНТСКОЕ

Орловский Губернский Тюремной Инспекціи.

По описи № 411/914

ДѢЛО

о ссыльно-каторжномъ арестантѣ

Дзержинскомъ

ПРИМѢТЫ

Дело „государственного преступника“ Феликса Эдмундовича Дзержинского, обнаруженное в архивах Орловского охранного отделения. По этому „делу“ тов. Дзержинский за побег из ссылки (село Тасеевка, Енисейской губ.) был приговорен к 3 годам каторжных работ, которые и отбывал в недоброй памяти Орловском централе.

в значительной мере объяснялась тем, что партия насчитывала в своих рядах очень маленькую горсть интеллигенции. Отсутствие интеллигенции объяснялось ее националистическим характером и ярко антинационалистическим направлением молодой рабочей партии, которая с первого дня своего существования выдвинула лозунг единства и целей борьбы польского и русского пролетариата. Арест Ратинского, Веселовского и других социал-демократических работников и отсутствие прилива новых работников из интеллигенции порвали сеть связей, организацию транспорта и т. п.; рабочие кружки были еще чересчур мало самостоятельны, чтобы их можно было наладить. Уцелевшая за границей группа основателей партии Юлиан Мархлевский, Роза Люксембург, Лео Иогихес-Тышка и Аболя Варский представляли собою группу идеологов, потерявших на известное время непо-

предшественник коммунистической партии Польши, как массовая партия, была детищем неутомимых усилий, бесконечного труда Феликса Дзержинского. „Иосиф“, — а под этим именем знали его широчайшие круги польских рабочих, — был самым любимым из вождей.

Высокий, стройный, с горящими глазами, с порывистой страстной речью, — таким я узнал его осенью 1903 года, когда он приехал на время в Краков, прячась от царских сыщиков и налаживая транспорты воссозданной, главным образом, по его инициативе социал-демократической польской литературы. Он завоевал любовь и уважение не только в среде стариков, но и у молодежи, вступившей впервые в движение, в глазах которой он был окружен ореолом тюрьмы и ссылки, ореолом лучшего организатора партии. К его мнению прислушивались чутко не только Роза, но и жесткий Тышка, имев-

ший большой организационный опыт, соединявший большое марксистское образование с необыкновенной политической чуткостью. Во всех практических вопросах движения мнение Иосифа имело почти решающие значение. Откуда взялся его авторитет? Откуда взялся он сам, этот молодой, строгий к себе, строгий к другим, волнующий и увлекающий всех революционер?

Он родился в Литве, в Ошмянском уезде, в семье мелкого польского помещика, в том же самом уезде, в котором на несколько лет раньше родился Иосиф Пилсудский. Литва была тогда прибита воспоминаниями о Муравьеве-вешателе, воспомиинаниями о кровавой расправе царизма за 63-й год. В дворянских домах Литвы жила мысль о тех, которых царский сатрап за участие в восстании казнил или сослал в каторгу. Интеллигентская молодежь лелеяла мысль о борьбе с царизмом за независимость страны. Старый штаб польской социалистической партии, созданный в последнем десятилетии XIX столетия, принадлежал в большинстве к молодежи из этих окраинных польских помещиков. Одним из немногих, отказавшихся от пути национализма и вступивших твердым шагом в лагерь международного рабочего движения, был Дзержинский. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что, происходя из бедной, сравнительно, семьи, он ближе присмотрелся к крестьянской литовской массе, ближе присмотрелся к жизни маломестечковых ремесленников и почувствовал себя более связанным с ними, чем с дворянством и его идеалами.

17 сентября 1914 г.

В Литве не было фабричного пролетариата. Были еврейские и польские ремесленники, и среди них 16-летним юношей Дзержинский начал свою работу. Необходимость работы и среди польских и еврейских подмастерьев в стране, в которой крестьянство в большинстве своем было литовским, объясняет международное направление чувств и дум Дзержинского. Он учился социализму на польской и на русской литературе, а для работы среди еврейских рабочих учился по-еврейски. Мы смеялись позже, что в правлении польской социал-демократии, в которой был целый ряд евреев, читать по-еврейски умел только один Дзержинский, бывший польский дворянин и католик. Аресты, которым непрерывно подвергался Дзержинский уже в первые годы своей деятельности, позволили ему изучить всю существующую тогда основную литературу социализма, и он вошел в польское движение уже с твердо выработанным мировоззрением. Литература польской социал-демократии, ее орган „Справа Работнича“ („Рабочее дело“), издававшийся в 1894—5 году в Париже, попали в его руки позже, когда он уже на основе собственного опыта и собственной работы мысли пришел в основном к тем же самым решениям, к которым пришли наши идеологи. Основой его взглядов была русская марксистская литература. Он, можно сказать, был выражением единства польского и русского рабочего движения.

Но значение его для движения состояло не только в твердости его взглядов, но и в непоколебимой революционной решительности, которую он внес в движение. Окраинное польское дворянство, выросшее в борьбе с татарами, а позже в борьбе с литовским и украинским крестьянством, отличалось искони большой энергией. Оно представляло самый решительный тип польской общественности. Дзержинский, впитавший в себя чуждые этой среде идеи, защищал их с той энергией, с которой польское „крессовое“ (окраинное) дворянство защищало свои классовые интересы. Для Дзержинского не существовало никаких затруднений и никаких поражений, как они не существовали для Скшетуских, Бохунов, Володыевских и других героев окраинного польского дворянства, воспеваемых в польских исторических романах. Опасности существовали только для того, чтобы их преодолевать; поражения только для того, чтобы, изучив совершонные ошибки, ковать заново меч для новых боев. Но если из дворян, переходящих на сторону революционных классов, создавались в большинстве типы „кающихся дворян“, то сила революционной мысли, овладевшей Дзержинским, позволила ему полностью слиться с рабочим классом, чувствовать себя его неотделимой частью. Он не был человеком, пришедшим к рабочему классу, идеализирующим рабочий класс. Во время своих долгих нелегальных скитаний он жил у рабочих, ел с ними из одной тарелки, спал в одной кровати, знал их со всеми их историческими недостатками, но и со всем великим, что рождает социализм в рабочем классе. Во все моменты опасности он был убежден, что соберет вокруг себя рабочих, которые его не выдадут, что сумеет воссоздать с ними, при помощи их, организацию, что сумеет сколотить снова боевой отряд, который пойдет заново на борьбу, не боясь голода, не боясь холода, не боясь оставить жен и детей, не боясь долгих лет одиночества в каторжной тюрьме Окатуя и в тайгах сибирских. Железо его пролетарской идеи выковалось в этой работе среди рабочих в гибкую сталь и это было то, что внес Дзержинский в польское социал-демократическое движение.

В нелегальной работе, предшествовавшей 1905 году, этот молодой революционер сделался вождем. Когда октябрьский манифест освободил его из заключения в десятом павильоне варшавской крепости, куда он попал в июле 1905 г. на массовой партийной конференции, организованной им в лесах около Домбия, под Варшавой, то никто уже не питал малейшего сомнения, что именно он, Дзержинский, является вождем социал-демократии. В течение нескольких месяцев массового движения до июльского ареста он был пламенем, одушевлявшим всю партию. Кто забудет дни, когда судился военным судом Мартин Каспшак, рабочий созидатель нашей партии, представший перед судом за вооруженное сопротивление при аресте весною 1904 года в тайной типографии? Город, залитый войсками, массовые аресты. Дзержинский с Ганецким печатают в новой тайной типографии прокламации, призывающие к всеобщей забастовке. Дзержинский отправляется через ряды патрулей лично в рабочие районы и переносит прокламации, привязанные к его телу. Высокий, стройный, с орлиным лицом, он проходит с поднятой головой через шеренги солдат и жандармов, обыскивающих всякого прохожего. Жандарм, которому он посмотрел смело в глаза, не решился его задержать. Таким он жил в воспоминаниях варшавских рабочих долгие годы, жил, как легенда о непоколебимом революционере. Когда он попался в Домбе, он заставил товарищей отдать ему все бумаги, которых уже нельзя было уничтожить, — чтобы взять на себя всю ответственность. В Домбе арестованных держали под конвоем казаков, но Дзержинский берется немедленно за агитацию среди солдат. Если бы не смена солдат, ему бы удалось подготовить побег.

В качестве организатора после октябрьских событий 1905 г. он, как огонь, движется по всей стране, везде укрепляя связь с центром, везде поднимая боевое настроение, везде создавая глубочайшую уверенность, что партия поведет рабочие массы Польши совместно с рабочими всей России на штурм против царизма. На 2-м съезде русской социал-демократической партии социал-демократия Польши и Литвы не вошла в ряды общей русской организации из-за разногласий по национальному вопросу. После раскола на большевиков и меньшевиков партия больше года колебалась в споре между обеими фракциями. Руководящая идеологическая группа партии, близко связанная с западно-европейским движением, склонялась к организационным идеям меньшевиков, которые казались ей более соответствующими опыту международного рабочего движения, чем организационные идеи Ленина. Дзержинский уже к концу 1903 г. был близок к большевизму. С конца 1904 г., со времени так называемой земской кампании, Дзержинский горячо добивался скорейшего объединения с большевиками. В 1906 г. во всех переговорах с русской социал-демократией он играет решающую роль в делегациях, назначаемых нашим главным правлением. Ленин тогда уже видел в нем ближайшего единомышленника в польской социал-демократии.

Пришли годы контр-революции. Дзержинский, бежав снова из ссылки, работает бешено в Варшаве над воссозданием организации. Намечаются новые вопросы — борьба с ликвидаторами и отзовизмом. Дзержинский занимает непоколебимую ленинскую позицию борьбы на два фронта. Воссоздавая нелегальную организацию, он одновременно упорно работает над созданием легальной социал-демократической печати. В 1912 г. происходит в социал-демократии Польши и Литвы раскол на основе споров части краевых организаций с находящимся за границей идеологическим центром по поводу ряда организационных вопросов. Этот раскол полон жестокой политической и личной борьбы, стоившей всем ее участникам больших страданий, для Дзержинского она представляет сущий ад, ибо, поддерживая основное ядро руководителей польской социал-демократии, он должен был отказаться на известное время от объединения с большевистским центром, от которого политически его ничто не отделяло. Что переживал Дзержинский, оказавшийся незадолго до войны снова за каменными стенами варшавской крепости, а позже на каторге в Орле, он не любил рассказывать. Крушение II Интернационала, разгром партии после великих ее успехов в период „Правды“, черная ночь, окутавшая все рабочее движение, эхо войны, доходящее к нему через тюремные решетки, — все это не сломило его ни на одну минуту. Февраль 1917 г. застает его снова в боевых рядах большевистской организации неутомимым, полным веры, жажды борьбы за Октябрь. Октябрь встречает его во главе борющихся за свою диктатуру рабочих масс в качестве члена Военно-Революционного Комитета в Петрограде.

Через великие фабричные города Польши, через Лодзь, Варшаву и угольный Домбровский бассейн, через ссылку и каторгу, он пришел к путиловцам и обуховцам и во главе их стал в ряды правительства Союза Советских Республик.

Меч пролетарской революции.

В дни, когда еще шла борьба за Петроград и Москву, Дзержинский создает комиссию для борьбы с контр-революцией, спекуляцией и саботажем. Выкованный в пятнадцатилетних боях, Феликс Дзержинский поднимает меч революционной решимости на защиту пролетарской революции. Этот меч опускается с ошеломляющей силой на классового врага, когда тот пытается поднять голову. Днем и ночью сторожит неутомимо верный страж революции, ища врага, преследуя его по пятам, хватая его врасплох. Дзержинский создает организацию революционной бдительности так, как когда-то создавал рабочие организации.

Враги наши создали целую легенду о всевидящих глазах ЧК, о всеслышащих ушах ЧК, о вездесущем Дзержинском. Они представляли себе ЧК в качестве какой-то громадной армии, охватывающей всю страну, просовывающей свои щупальцы в их собственный стан. Они не понимали, в чем сила Дзержинского.

Сила Дзержинского была, во-первых, в том, в чем состояла сила большевистской партии — в полнейшем доверии рабочих масс и бедноты, в уверенности, что Дзержинский есть их карающий меч, их бдительный глаз. Каждый рабочий, каждый бедняк считал своим долгом помогать ЧК в ее великой борьбе защиты революции. ЧК — это не только были штаты мужественных чекистов, ЧК — это была многомиллионная рабочая масса, бдительная и доносящая о каждом движении врага. Кто не помнит, как во время борьбы с Юденичем был раскрыт заговор начальника штаба петроградской обороны, сносившегося с Юденичем и действовавшего по его указанию. Орудием связи негодяя был старик, натурализованный француз. Дочь его теряет сверток бумаг на улице, обыкновенный красноармеец поднимает уроненные бумаги, развертывает их, видит какие-то чертежи. Он видел уже военные чертежи, подозревает, что дело не ладно, арестовывает уронившую бумаги девицу. В руках ЧК главная ячейка юденического шпионажа. Дзержинский

рассказывал мне, что арестованный француз на допросе, нахальничая, сказал ему. „Если бы не случай, вы бы меня не поймали!“ — „Что же вы ему ответили? — спрашиваю я Дзержинского“. — „Если бы не бдительность обыкновенного красноармейца, то случайная потеря бумаг вам бы не повредила. Но эта бдительность рядового красноармейца не случай, а сила ЧК“. Лучших чекистов Дзержинский подбирал из старых рабочих-партийцев, беспрекословно преданных делу пролетарской революции.

Второй источник силы Дзержинского и ЧК была решительность действия, рожденная из железной убежденности его в правоте дела пролетарской революции. Летом 1918 г. Дзержинский дает интервью представителям существовавшей тогда еще буржуазной и мелкобуржуазной печати. Они спрашивали его, не допускает ли он, что ЧК может ошибаться и совершать акты несправедливости по отношению к лицам. „ЧК не суд, — отвечает Дзержинский, — ЧК — защита революции, как Красная Армия и как Красная Армия в гражданской войне не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам, а должна заботиться только об одном — о победе революции над буржуазией, так и ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом попадает случайно на головы невинных“. Спасение революции было для Дзержинского высшим законом и поэтому он находил в душе непоколебимую силу, без которой не была бы возможна победоносная борьба с контр-революцией.

Враги пытались представить его кровожадным. Имя его сделалось пугалом для всей международной буржуазии. Но тем, кто знал Дзержинского, известно, как нелегко давалась ему его беспощадность. Дзержинский был человеком, стремящимся всеми корнями души к социализму, к гармоническому строю, дающему простор развитию всех человеческих сил. В Дзержинском, человеке беспощадной борьбы, было всегда много мечты о том строе, когда социальные условия не будут больше рождать не только неравенства, но и преступления. В нем была глубочайшая любовь к людям, к работе их мысли, и недаром за тюремной решеткой в 1908 г. в своем дневнике он дает выражение своему глубочайшему отвращению к насилию. Он даже в жандармах и провокаторах видит продукт социальных условий. И только глубокое убеждение в том, что всякое мягкосердечие может причинить бедствия и страдания миллионным массам, позволяло ему опускать непоколебимо меч революции.

Он не любил говорить о том, что происходит в его душе в бессонные ночи, но от времени до времени у него прорывались слова, показывающие, как не легко ему было. Когда мы собирались в 1920 г., во время борьбы с белой Польшей, на фронт, надеясь на победу, надеясь на то, что поможем польским рабочим в скором времени построить свою власть, освободиться от буржуазии, Дзержинский говорил мне: „Когда победим, я возьму Наркомпрос“. Товарищи, бывшие при этом разговоре, смеялись. Дзержинский съежился. Но эти слова открыли то, что ясно было всякому, знающему Дзержинского. Разрушение, насилие было для него только средством, а самое существо Дзержинского — это была глубочайшая тоска по строительству новой жизни.

Благодаря тому, чтот этот источник был в нем самым сильным, окончание гражданской войны привело его на пост строителя социализма. Не только международная буржуазия, но даже многие товарищи были удивлены, когда услышали о назначении Дзержинского на пост руководителя нашего транспорта. Но эти назначения отвечали мечтам Дзержинского, отвечали всей его природе. Не выпуская из рук руководство ГПУ, ибо не исчезли опасности, угрожающие республике от внутренней и внешней контр-революции, Дзержинский бросился с жадностью на хозяйственную работу.

Строитель социализма.

В работу на хозяйственном посту Дзержинский не внес ни технической, ни экономической особенной подготовки. Он имел то образование, какое имел всякий наш выдающийся партиец из старых кадров. Его университетом была тюрьма, где он зачитывался, как все, марксистской литературой. Специального уклона к изучению экономики у него не было. Почему же он, человек великой внутренней скромности, абсолютно чуждый чванству, мог взяться за неслыханно трудное дело воссоздания хозяйства? Когда Центральный Комитет поставил его во главе Наркомпути, многие думали, что дело в том, что он ударник, что он своей бешеной энергией преодолеет первые затруднения постройки аппарата, первые затруднения, стоящие на пути к тому, чтоб двинуть массу железнодорожников. Но скоро стало видно, что Дзержинский иначе понимает свою задачу, что он изучает не только организацию железных дорог, но и все экономические вопросы, связанные с развитием транспорта, что он вникает во все вопросы железа, угля, без решения которых нельзя поднять на должную высоту транспорт. Для Дзержинского работа на транспорте была только частью хозяйственного фронта, его глубочайшим образом интересовали, волновали вопросы строительства социализма.

Он в эти вопросы вошел полностью, как в жизненную задачу всякого коммуниста. Это не было для него специальностью, это была для него задача задач. Дзержинский глубоко верил в то, что мы можем, что мы в состоянии не просто поднимать хозяйство, но и строить социализм, несмотря на затяжку международной революции. Веря в это непоколебимо, он считал своим долгом вложить всю душу в это строительство. Он знал, как трудно строить. Ему пришлось учиться днями и ночами для того, чтобы уяснить себе картину хозяйственных связей перед войною, чтоб уяснить себе изменения, происшедшие во время войны и революции, чтоб выбрать звено, за которое можно ухватиться. И он учился и работал с таким рвением, с таким напряжением, как только мог работать человек его веры и его энергии. Он рос на этой работе, ибо она была задачей, в которой выразились все основные устремления Дзержинского, как революционера.

Недавно на маленьком товарищеском собрании группы хозяйственников мне пришлось говорить с Дзержинским об очередных наших экономических вопросах. Другие рассуждали, доказывали, — Дзержинский горел, горел энтузиазмом, горел верой, горел железным убеждением. Один из присутствующих товарищей, знающий Дзержинского, как и я, больше 20 лет, сказал, когда мы возвращались домой: „Он не растратил за всю свою жизнь ни одного атома социалистических своих убеждений и социалистической своей веры“.

Бешено работая, заражая всех вокруг себя этой своей верой, Дзержинский понимал великолепно, что работа его будет иметь успех, работа партии будет увенчана победой, если, кроме всего прочего, мы не забудем о двух условиях: победа невозможна без использования всего наследства буржуазной науки. И Дзержинский, ко-

торый умел беспощадно ломать всякую попытку саботажа спецов, сумел бороться за условия работы для специалистов, за охрану их от чванства, от предрассудков и даже от законного недоверия рабочих масс. Лучшие из специалистов научились уважать и любить Дзержинского, присматриваясь к его великой работе. Но одновременно Дзержинский понимал, что самая совершенная наука не поможет нам построить коммунизма, если она не охватит рабочие массы, если рабочие массы не воспламенятся стремлением к постройке социализма, если они не будут втянуты в разработку всех вопросов нашего строительства. В последнем публичном документе, подписанном Дзержинским, в обращении ВСНХ и ВЦСПС по поводу необходимости усиления работы производственных совещаний Дзержинский писал: „Хозяйственники должны знать, что ни одно мероприятие, ни один сколько-нибудь крупный вопрос не может быть проведен в жизнь, не может дать необходимых результатов, если он проводится через голову рабочей массы, если он не понят рабочей массой". Эти слова Дзержинского являются его завещанием, завещанием строителя социализма, который, связав жизнь свою с рабочими массами, пройдя ее в их рядах и во главе их, отбив врага, еще одною рукою опираясь на меч, другой взялся за кирку.

* * *

Дзержинского нет. Для миллионных масс имя его было знаменем неустрашимого борца, было знаменем непоколебимой воли к победе, было знаменем защитника рабочих и бедноты. Имя его войдет в историю социализма, как одного из лучших борцов пролетариата. Если Ленина массы будут всегда помнить, как мозг революции, то о Дзержинском будут вспоминать, как о ее сердце. Он представлял собою такую амальгаму качеств, которой в таком составе история больше не повторит. Этот коммунист, глубоко преданный рабочим массам, видящий в них и в их борьбе залог победы, коммунист, преодолевший в себе буржуазный индивидуализм, был одновременно великой индивидуальностью, и вся партия до последнего ее члена знает, что такого борца, как Дзержинский, с этим сочетанием воли и веры мы больше иметь не будем. У гроба Дзержинского будут стоять, опустив головы, не только рабочие Союза Советских Республик, среди которых он работал последние 10 лет, не только рабочие Польши, в рядах которых он боролся всю юность свою, и для которых он по сегодняшний день был боевым кличем, но и томящиеся в тюрьмах рабочие всех стран, для которых его имя было лучом надежды.

Смерть Дзержинского вызовет бешеную радость в сердцах мировой буржуазии. Умер создатель и глава ЧК. Эта весть разнесется по всему миру и окрылит надеждой наших врагов. Но они ошибаются. Так же, как смерть Ленина вызвала в рядах рабочих масс чувство необходимости крепче сомкнуть ряды, так и смерть Дзержинского вызовет в широких массах не только воспоминания о великих днях Октября, о героических годах борьбы против интервенции, но и волю к тому, чтобы собрать всю энергию для завершения того дела, которому Дзержинский посвятил пламя своих последних лет, — дела строительства социализма.

КАРЛ РАДЕК.

Тов. Дзержинский в 1917 году.

(Страничка из воспоминаний).

Тов. Дзержинский представлял собою прекраснейший тип революционера. До мозга костей преданный партии коммунистов, кристально-чистый, глубоко-искренний, бесстрашно-прямой, в своей прямоте порою бичующе-резкий, нервный, порывистый, страстный, Феликс Эдмундович словно горел в огне своего революционного темперамента.

Мне не пришлось встречаться с тов. Дзержинским до революции. Впервые я познакомился с ним в апреле 1917 года в Питере на Всероссийской партийной конференции, где он был делегатом московской организации. Он тогда только-что перенес пятилетнюю каторгу в орловском и московском централах. В виду того, что наша партия была преследуемой и гонимой, конференции приходилось часто менять помещение. Отчетливо помню выступление тов. Дзержинского на одном из заседаний конференции в здании Женского медицинского института. В связи с предложением датского социал-соглашателя Боргбьерга обсуждался вопрос о стокгольмской конференции, где должны были участвовать социал-предатели всех стран. С бледным, худым, изможденным лицом, запечатлевшим на себе ужасы каторжных застенков и следы недавней тяжелой болезни, записавшийся в порядке прений тов. Дзержинский, опираясь на палочку, поднялся на ораторскую трибуну. С первых же слов своего выступления он заставил аудиторию встрепенуться и с напряженным вниманием прослушать всю его речь. Тов. Дзержинский говорил, что мы должны держать курс на пролетарскую революцию и отказаться от участия в позорной дипломатической комедии предателей международного социализма. Блестящая, умная и вдохновенная речь тов. Дзержинского била по нервам, заражала пламенным революционным энтузиазмом.

Он необычайно волновался; было заметно, что ему трудно владеть собой. Каждое слово его горячей речи, казалось, было насыщено кровью сердца. Он глубоко и больно переживал всякий вопрос, которого ему приходилось касаться. Чувствовалось, что ораторские выступления даются ему дорогой ценой колоссального нервного напряжения всего организма.

Идейная убежденность и революционная страстность тов. Дзержинского невольно передавались аудитории. Конференцией была принята резолюция в духе предложений Ленина и Дзержинского. Другая точка зрения, представленная на конференции, была отвергнута.

Непосредственно перед выборами в Центральный Комитет среди других кандидатур было названо имя тов. Дзержинского. Его проведение в ЦК было обеспечено, но со свойственной ему скромностью он поспешил снять свою кандидатуру, ссылаясь на то, что за годы каторги он оторвался от текущих вопросов, хочет в них как следует разобраться и, кроме того, в виду недавно перенесенной болезни, в данный момент считает себя физически негодным для интенсивной работы, предстоящей членам ЦК. Однако, через три месяца, на пятом партийном съезде, тов. Дзержинский был все же избран в состав Центрального Комитета и с тех пор бессменно оставался на славном посту одного из вожатых нашей Ленинской партии.

Ф. РАСКОЛЬНИКОВ.

Ф. Э. Дзержинский — руководитель транспорта.

Два письма Ф. Э. Дзержинского.

Публикуемые ниже два письма Ф. Э. Дзержинского, относящиеся к периоду его работы в НКПС (1922 и 1923 гг.), представляют большой интерес не только как характеристика его манеры формулировать в необычайно четкой, сжатой и энергичной форме задачи и директивы громадного масштаба и содержательности, но и как выражение идей режима экономии, позднее развернутых Дзержинским с такой широтой.

Еще в мае 1922 года Ф. Э. Дзержинский, — тогда нарком путей сообщения, — выдвигает задачу „величайшей экономии, колоссальнейшего сжатия и уплотнения“ на транспорте. „Ситуация такова, — пишет он: или капитуляция перед заграничным капиталом, или приспособление транспорта и транспортников к ресурсам, имеющимся в распоряжении РСФСР. Это требует величайшего напряжения и работы мускулов и мыслей“.

Идеям режима экономии посвящено и другое публикуемое письмо, относящееся к концу 1923 г. Здесь Ф. Э. касается совершенно конкретного вопроса, не потерявшего своей злободневности и по сей день, — о накладных расходах грузоотправителей. Проблема борьбы с непомерно высокими непроизводительными издержками транспортной клиентуры, бьющими и по самому транспорту, ставится в этом втором письме, обращенном к членам колегии НКПС тт. Халатову, С. Бернштейн-Когану и Грунину, со всей остротой.

I.

Уважаемый товарищ.

У нас намечена сейчас большая реформа: децентрализация транспорта, организация правлений, хозрасчет, величайшая экономия, колоссальнейшее сжатие и уплотнение. Центральные управленя НКПС из органов, непосредственно управляющих, должны превратиться в органы регулирующие и контроля и намечающие линию. Роль Трансплана величайшая: искать новых путей для приведения в соответствие возможности удовлетворения транспортных потребностей страны при имеющихся ресурсах.

Вы и Никольский введены в техническую секцию Трансплана. Пишу вам это частное письмо, желая просить вас взяться за работу в этой секции со всей энергией. На эту секцию возлагается очень много: задачи бывшей ОТК (Основной транспортной комиссии при СТО) по ремонту; введение технических усовершенствований; уплотнение работ; все работы по эксплоатации и технике; подведение итогов и намечение новых линий и методов.

Прошу вас, когда сочтете нужным, непосредственно обращаться ко мне для того, чтобы с самого начала работ техсекции придать ей не академический, а ударный характер для восстановления транспорта.

Ситуация такова: или капитуляция перед заграничным капиталом, или приспособление транспорта и транспортников к ресурсам, имеющимся в распоряжении РСФСР. Это требует величайшего напряжения и работы мускулов и мысли.

С коммунистическим приветом

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ.

28 мая 1922 г.

II.

Необходимо нам взять в свои руки и систематизировать борьбу с накладными расходами грузоотправителей, не дающими нам никакого дохода. Сейчас эта борьба атомизирована и руководится не нами, а потому почти всегда наши интересы приносятся в жертву. Необходимо на этом вопросе сконцентрировать наше внимание и взять инициативу в свои руки. Необходимо взять две исходные точки: во-первых, по важнейшим грузам (хлеб, топливо — уголь, дрова, нефть, торф, металл и т. п.), и во-вторых, по всем статьям накладных расходов независимо от рода грузов на одной какой-нибудь линии, например, Ростов — Бахмут — Харьков — Москва — Питер, как-то: склады, погрузка, разгрузка, проводники, попудные сборы и т. д.

Прошу согласованную программу представить мне в недельный срок.

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ.

16 декабря 1923 г.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ—РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Некоторые этапы.

(Справка).

Деятельность Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ВСНХ СССР неразрывно связана с развитием советской промышленности за последние годы и процессом социалистического строительства нашего хозяйства.

Вступив в исполнение обязанностей председателя ВСНХ 11 февраля 1924 г., в ответственнейший момент для всего народного хозяйства СССР — во время осуществления денежной реформы, Ф. Э. Дзержинский, естественно, основное внимание уделяет в первую очередь вопросам, связанным с укреплением червонца и установлением твердого денежного обращения.

„Особенно важным, — пишет он в обращении ко всем хозорганам, — является мобилизация государственных, промышленных и торговых органов с целью наилучшего приспособления к возможным затруднениям переходного периода". В этом обращении Ф. Э. Дзержинский указывает на огромное значение, которое будет иметь при проведении реформы правильная политика цен, а также концентрация денежных ресурсов промышленности в банках.

Директива о снижении цен на продукцию госпромышленности, данная в это время Ф. Э. Дзержинским, и упорная борьба за доведение пониженных цен до потребителя сыграли немалую роль для успеха в денежной реформе.

В борьбе за упорядочение торговой деятельности госпромышленности большое значение имело создание торговой комиссии, которая была организована в феврале—марте 1924 г. Задачи этой комиссии были определены Ф. Э. Дзержинским, как борьба с дефектами госторговли, с ажиотажем, неправильным ценообразованием, борьба за сокращение путей продвижения товаров к потребителям, районирование рынка и т. д.

„Требуется коренная перестройка всего торгового аппарата госторговли и радикальный пересмотр всех методов торговой работы" — такую директиву дал Ф. Э. Дзержинский торговой комиссии.

Этот же первый период работы Ф. Э. Дзержинского в ВСНХ совпал с обострением болезней роста госпромышленности. К таким болезням в первую очередь следует отнести кризис сбыта донецкого топлива, грозивший остановкой в развитии каменноугольной промышленности. Ф. Э. Дзержинский энергично ведет борьбу за расширение сбыта донецкого топлива, становясь во главе центрального комитета содействия Донбассу.

К этому же примерно времени относится и организация топплана, сыгравшего крупную роль в области внесения плановости в топливоснабжение промышленности. На ряду с этим Ф. Э. Дзержинскому приходится вести борьбу с организационными неувязками. Эта борьба завершается изданием положения от 10 июня 1924 г. „об управлении промышленными заведениями, входящими в состав треста", которое представляет собой конституцию промышленных предприятий. Одновременно под руководством Ф. Э. Дзержинского продолжается оформление трестов в соответствии с действующим декретом о трестах.

К началу апреля 1924 г. относится возникновение кампании за повышение производительности труда, начатой по инициативе Ф. Э. Дзержинского. Всем памятно, какой горячий отклик вызвали выступления Ф. Э. Дзержинского по этому вопросу.

С 20 ноября 1924 г. Ф. Э. непосредственно руководит металлопромышленностью. На посту председателя правления Главметалла Ф. Э. Дзержинский руководит бурным процессом восстановления и развития тяжелой индустрии. Весною 1925 г., после XIV конференции РКП, т. Дзержинский в обращении к хозяйственникам указывает:

„Временная стабилизация мирового капитализма заставляет нас с удвоенной силой развивать наше хозяйство в теснейшем союзе с крестьянством и в то же время усиливать экономические позиции рабочего класса; поэтому хозяйственники и техники металлопромышленности должны выявить величайшую инициативу и энергию, чтобы в первую очередь восстановить, развить, расширить металлопромышленность, как основу для развития всего народного хозяйства".

К весне 1925 года относится также образование особого совещания по воспроизводству и расширению основного капитала промышленности, во главе которого становится Ф. Э. Дзержинский. Несколько позже Ф. Э. Дзержинский издает приказ об организации особого совещания по качеству продукции, председателем которого впоследствии был назначен Л. Д. Троцкий.

К концу лета 1925 г. в соответствии с постановлениями партии и правительства о необходимости усиления роли потребительской кооперации в товароснабжении президиум ВСНХ заключает соглашение с правлением Центросоюза о взаимоотношениях госпромышленности с кооперацией. Это соглашение положило основу правильной связи госпромышленности с кооперацией. Завершением этого соглашения явилось образование в декабре 1925 г.—январе 1926 г. паритетной комиссии ВСНХ и Центросоюза.

В октябре 1925 г. Ф. Э. Дзержинский начинает кампанию против спекуляции и ажиотажа, которая кладет конец рыночной вакханалии.

23 февраля 1926 г. Ф. Э. Дзержинский издает памятный всем приказ № 413, с которого начинается кампания за установление режима экономии сначала в промышленности, а потом и во всех отраслях народного хозяйства.

Эта кампания неразрывно связана с кампанией по снижению розничных цен, в которой Ф. Э. Дзержинский принимает самое активное участие как в роли председателя ВСНХ, так и в качестве зам. председателя центральной комиссии по снижению розничных цен.

Уже в самые последние дни Ф. Э. Дзержинский выдвигает лозунг реформы управления промышленностью. Этой кампании за улучшение управленческого аппарата, за борьбу против волокиты, бюрократизма, за установление персональной ответственности, за борьбу против „организационного фетишизма" (выражение Ф. Э. Дзержинского) был посвящен ряд последних выступлений покойного вождя.

Из последних выступлений Ф. Э. Дзержинского.

Задача режима экономии.

„Какую же цель ставим мы перед собой, развивая кампанию за режим экономии? Этой целью является выполнение тех грандиозных задач, которые мы сейчас во всей конкретности ставим перед собой: укрепление социалистических элементов в нашем хозяйстве, напряжение максимума сил на проведение индустриализации страны, т.-е. проведение в жизнь тех указаний и той генеральной линии, которую нам дал XIV партийный съезд, при чем эта линия дана нам не абстрактно, не как общие задания для выполнения отдаленных целей, а как реальное задание, которое мы должны теперь же разрешить при тех условиях и при развитии тех потребностей, которые мы имеем сейчас.

Сбережение 100 милл. руб. не есть только сбережение 100 милл., а гораздо более, потому что сам по себе режим экономии означает упорядочение всего нашего хозяйства, всех его ячеек. Режим экономии имеет конкретные цели в настоящий момент. Каким образом без режима экономии вы обеспечите реальную заработную плату? А ведь без этого строить социализм нельзя. В этом и заключается широкая борьба за социализм. Это—одна конкретная задача.

Другая конкретная задача: мы должны дать крестьянину за его хлеб наши изделия. В этом материальная сущность борьбы за экономию. Когда будет обеспечена заработная плата, когда будет обеспечена смычка с крестьянством, обмен его хлеба на наши изделия, — тогда наша жизнь будет разворачиваться, и мы пойдем по пути тех задач, которые сейчас перед собой ставим“.

(Из доклада на совещании руководителей московской печати, апрель 1926 г.).

Борьба за снижение цен.

„При проведении кампании по снижению цен мы должны с беспощадностью проводить постановление правительственной комиссии в области ликвидации лишних и непроизводительных затрат товаропроводящего аппарата. Мы не должны убаюкивать себя тем, что кооперативные цены стоят на более низком уровне, чем цены вольного рынка, ибо в абсолютном выражении кооперативные цены высоки и в известной мере отражают стихию вольного рынка. От принципиальной линии по отношению к кооперации мы не отступаем. Речь идет о том, чтобы кооперация не проедала средств кооперированного населения. Надо во что бы то ни стало добиваться радикального улучшения работы нашего кооперативного аппарата с тем, чтобы она полностью охватила бюджет кооперированного населения.

В этих же целях мы должны использовать синдикатскую систему торговли, которая должна четко и быстро реагировать на все колебания рынка. Мы должны добиться положения, при котором наши тресты были бы освобождены от торговых функций, что позволит им все свое внимание обратить на улучшение процесса производства. Синдикатская система не должна при анализе конъюнктуры рынка отдельных товаров исходить из данных о прежних накидках и средних отпускных цен товаропроводящей сети: эти средние величины не отражают действительного положения вещей; синдикатская система торговли должна установить самое тщательное наблюдение за прохождением товаров до потребителя и за нарастанием цены в каждом звене товаропроводящего аппарата“.

(Из речи на совещании хозяйственников в Харькове. Май 1926 г.).

Борьба за здоровый госаппарат.

„Борьба за гибкий, экономный государственный и хозяйственный аппарат, за упрощение его структуры и устранение всяких бюрократических наростов должна являться неотъемлемой частью всего периода кампании по рационализации народного хозяйства. Фундамент социалистической экономики должен иметь соответствующую себе по качеству надстройку. Если в области производства пути рационализации ребром упираются в вопросы темпа накопления, обусловливающего собой возможность необходимого переоборудования и реконструкции, то в области методов управления и хоз. руководства мы имеем объективную возможность добиться значительных улучшений уже на основе наличного опыта и навыков руководства государственным аппаратом".

(„Правда" от 23 июня 1926 г.).

„Нужно отметить, что в принципе до сих пор методы управления остались у нас коллегиальные и комиссионные. Мы должны с этим кончать. Правда, когда мы еще ничего не знали, то мы собирались вместе, выуживали друг у друга хорошее. При этом было много бестолочи, но кое-чему мы научились при этом. Передавался опыт друг другу. Но когда у нас выработался кадр наших собственных специалистов и хозяйственных организаторов и администраторов, когда целый ряд многих наших партийных товарищей узнал и знает досконально свое дело в своей области, мы все же попрежнему продолжаем работать комиссиями и коллегиями.

Этот комиссионный метод (часто бывает, что эти комиссии собираются, как, например, в ВСНХ, из 10 человек ответственных работников) нужно бросить".

(Из доклада на совещании руководителей московской печати, апрель 1926 г.).

Хозяйственники и рабочая масса.

„Ни одна наша задача в смысле планирования как внутри металлопромышленности, так и в сочетании развития металлопромышленности со всеми остальными отраслями не может быть выполнена без одного существенного условия, — без того, чтобы наши хозяйственники не находили поддержку в рабочих массах, к которым они должны обращаться за помощью, без того, чтобы привлекать эти массы к разрешению этих задач, ибо наша основная сила (я говорю не для красного словца и не для агитации, это факт) — рабочие массы. Если мы держимся до сих пор, если мы развиваемся, преодолеваем те трудности, о которых никому и не мечталось, что они могут быть преодолены при условиях, в которых мы находимся, без посторонней помощи,—так это только потому, что мы связаны органически и нашей партией, и нашей работой с широкими рабочими массами. Поэтому нам нужно работать и работать совместно, и непосредственно иметь поддержку в массе. В чем эта поддержка заключается? Я снова повторяю, товарищи, не в похвальбе эта поддержка должна заключаться, а в том, что вы будете видеть у наших хозяйственников недостатки и искать средств и возможностей, как бы эти недостатки исправить. И только таким путем это возможно".

(Из доклада на VII всесоюзном съезде металлистов, ноябрь 1925 г.).

Путь к индустриализации.

„Сумеем ли мы выйти на широкую дорогу нового строительства? Я должен сказать, что, насколько я ориентируюсь в силах нашего Союза, в силах рабочего класса и в тех материальных ценностях, которые у нас имеются, я уверен, что мы на путь индустриализации выйдем. Мы научимся, как составлять планы, научимся, как проводить резолюции нашего партийного съезда, который дал директиву—освободиться от заграничной зависимости. Научимся теснее налаживать экономическую смычку с крестьянской массой и с неослабной энергией будем выковывать свою будущую свободу и социалистический строй".

(Доклад на пленуме ВЦСПС, июнь 1926 г.)

Последнее заседание президиума ВСНХ СССР под председательством тов. Ф. Э. Дзержинского.

Речь тов. Ф. Э. Дзержинского.

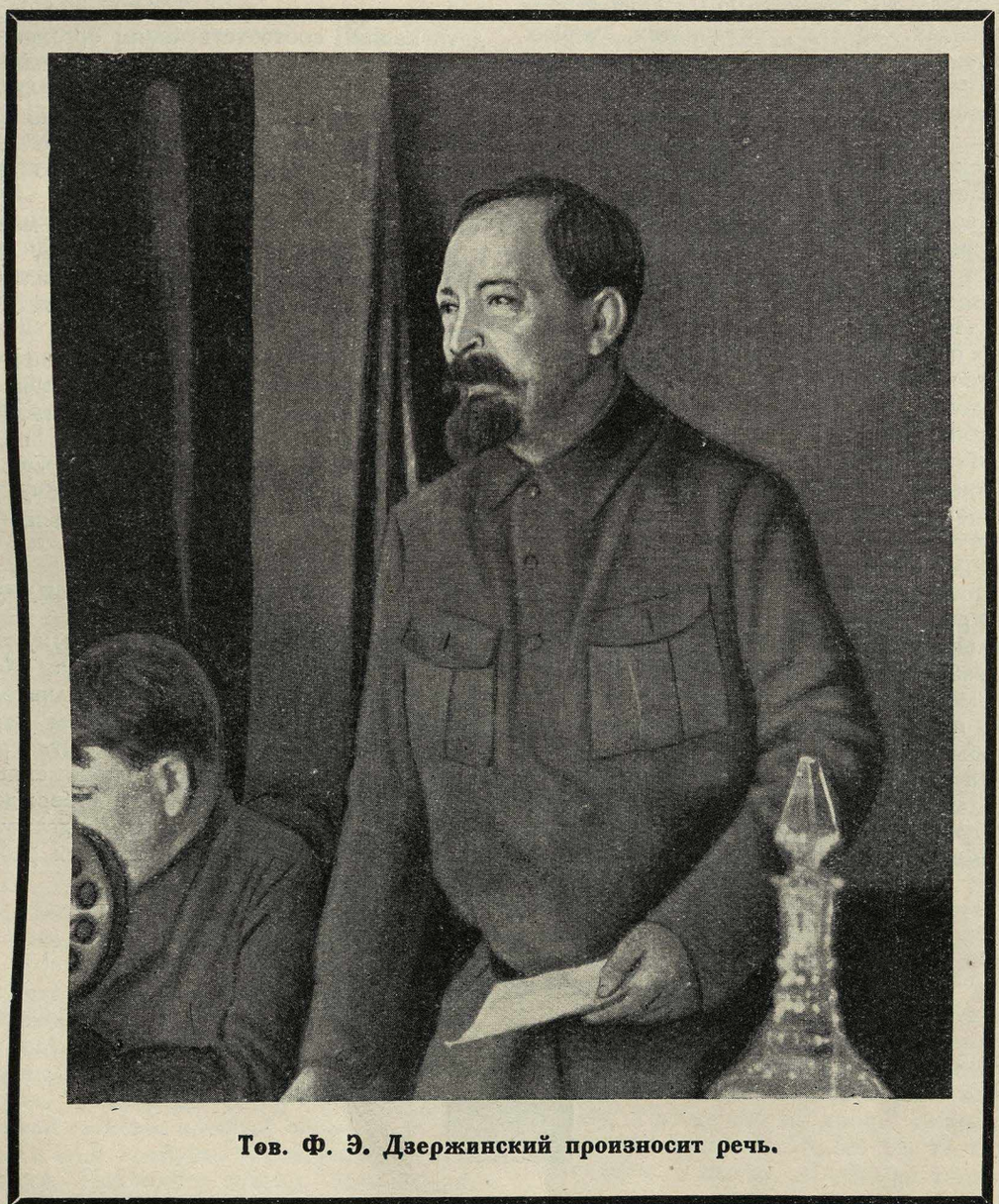
19 июля на расширенном заседании президиума ВСНХ СССР, под председательством Ф. Э. Дзержинского, был заслушан доклад А. Б. Штерна о контрольных цифрах промышленности на 1926—1927 г

В развернувшихся оживленных прениях доклад был подвергнут всесторонней критике.

Тов. Дзержинский принял горячее участие в прениях. Это было предпоследнее его выступление. Отмечая основные промахи в цифрах докладчика, т. Дзержинский произнес следующую речь.

— Тот план, который нам представил тов. Штерн, является максимальным, и к нему никоим образом нельзя подходить, как к плану, который может рассматриваться, как минимальный.

Он свидетельствует о том, что наши хозяйственные организации в промышленности до сих пор еще недостаточно считаются с общим государственным положением и что свои заявки они берут, так сказать, с потолка, берут из аппетитов, не считаясь ни с какой возможностью. Все те товарищи, которые над этими контрольными цифрами сидят, конечно, не в состоянии устранить те недостатки работы, которые имеются в первичных наших производственных ячейках. План, который с таким трудом выработан, можно будет признать реальным только в том случае, если наши тресты и хозяйственные организации отнесутся со всей серьезностью к той задаче, которая на них возложена.



Тов. Ф. Э. Дзержинский произносит речь.

Есть один вопрос, которого нельзя забывать и на котором тов. Штерн меньше всего остановился, это—вопрос об индексе. Почему индексы должны падать? Мы видим, что сейчас, при падении хлебных цен и при падении цен на промышленные изделия, товарный голод не снижается. Можно с полной уверенностью сказать, что при той программе, которая нами намечена, товарный голод не будет изжит. В самом деле, мы намечаем по этой программе рост производства предметов потребления на 12—13 проц. в то время, как рост орудий производства составляет 24 проц.

Что обозначают эти цифры?

Эти цифры обозначают рост товарного голода, а если это так, то где же те мероприятия, которые должны его ослабить?

Здесь совершенно правильно тов. Штерн указал относительно того, что надо сокращать и по бюджету, и по всему народному хозяйству непроизводительное потре-

бление. И в самом деле, нужно сказать, что у нас в этом отношении имеются резервы колоссальнейшие. Но нельзя подходить к этому рационалистически,—раз мы увидали, мол, болячку, то мы ее и устраняем. Мы требуем от государственного бюджета, чтобы те потребности, которые он до сих пор удовлетворял и в отношении администрирования, и в отношении управления, и т. д., чтобы они были сокращены для того, чтобы именно с этой стороны уменьшить товарный голод, то-есть, чтобы с этой стороны усилить приток средств к капитальным работам.

Но что мы у себя сделали в этом направлении?

Я утверждаю, что нет столь великого непроизводительного потребления, как в тех отраслях, которые мы организуем и за которые мы ответственны. Посмотрите, во всех наших заводах, трестах, синдикатах, торгах, во всех наших организациях и административных органах и т. д., — какие у нас имеются колоссальные расходы, которые непосредственно не являются производительными.

Мы сейчас бьемся над тем, как укрепить и как улучшить аппарат управления по линии государственных органов. Однако, у нас сокращение этих непроизводительных расходов идет медленным темпом. Таким образом, нельзя надеяться, чтобы мы могли бы действительно с этой стороны ослабить товарный голод в той степени, которая требуется. А если так, то мне кажется, что намечаемая экспортно-импортная программа не может рассматриваться, как нечто совершенно реальное.

Если я поднял кампанию за снижение розничных цен, то центр тяжести этой кампании заключался в том, чтобы наши разбухшие, обнимающие сотни тысяч и миллионов штаты аппарата сократить и чтобы снижение розничных цен означало одновременно сокращение непроизводительного потребления и процесса обращения в наших торговых организациях и пр.

Но если этого потребления не снизим, то ясно, что мы не сможем эти розничные цены понизить до такой степени, чтобы реальная заработная плата не понижалась. А раз реальная заработная плата будет понижаться, то все наши предположения идут вверх дном.

Мы же должны в нашей программе исходить безусловно из того, чтобы заработная плата никоим образом не была понижена, а следовательно, если нами не будут приняты действительно реальные меры, прежде всего у нас самих, к прекращению непроизводительных расходов, то вся наша программа окажется построенной на песке.

Повторяю, та программа, которая здесь намечена, должна быть принята, как максимум. С другой стороны, должно быть оговорено, что ни один из трестов не имеет права, по этим вариантам контрольных цифр, приступать уже к работам на будущий год, поскольку он не будет иметь совершенно определенного разрешения со стороны председателя Высшего Совета Народного Хозяйства.

Я думаю, что та комиссия, которая работает над контрольными цифрами, должна составить еще рабочий вариант. Ведь мы уже находимся в июле, через два месяца начинается новый год, — уже сейчас нужно и заготовки делать, и принимать целый ряд мер, и т. д. Поэтому из этого плана, который сейчас намечен, надо выбрать тот минимум, который совершенно бесспорен, и преподать нашим соответствующим органам для руководства.

Далее необходимо обратить внимание на транспорт.

Это одно из наших узких мест. Мы знаем, что транспорт несвоевременно платит, а он не платит потому, что нет притока тех средств, которые необходимы, и он, таким образом, дезорганизует всю нашу промышленность.

Я думаю, что гораздо лучше нам меньше размахнуться в целом ряде отраслей, но помнить, что транспорт должен будет в будущем бюджете занимать довольно почтенное место для того, чтобы он своей дезорганизацией не ударил нас с другой стороны.

Я целиком поддерживаю указание тов. Штерна относительно необходимости организационной реконструкции в области управления нашей промышленностью. Ясно, что при такой системе, при таком порядке управления и взаимоотношений, которые существуют, мы столь сложного и большого хозяйства вести будем не в состоянии и поэтому вопрос этот является одним из основных.

Постановление президиума.

В своем постановлении президиум ВСНХ принял за основу предложения докладчика. Комиссии по контрольным цифрам предложено дополнительно рассмотреть капитальные затраты по отдельным отраслям промышленности в связи с импортом. Попутно решено составить на ряду с основным второй (пониженный) вариант контрольных цифр, который до утверждения планов на 1926—27 г. будет служить руководством для остальных предприятий в их подготовительных работах.

Последняя речь тов. Ф. Э. Дзержинского.

В день его смерти, 20 июля с. г., на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

— Товарищи, я должен сказать, что в докладе т. Каменева и в дополнении к этому докладу т. Пятакова я поражен в величайшей степени тем обстоятельством, что один из них, будучи наркомторгом... (Каменев:— Я выступал докладчиком Политбюро)..., а другой заместителем председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, проявили полное незнание и незнакомство с теми вопросами, о которых они здесь трактовали. И в самом деле, возьмите выступление с этой трибуны народного комиссара торговли. Для того, чтобы рассказать вам об опасностях частного капитала,—„кто кого“, он читает вам из „Экономической Жизни“ отчет о заседании Конъюнктурного института и о докладе т. Кутлера. Мне кажется, что Народный комиссариат внешней и внутренней торговли — это тот аппарат и тот орган, созданный нами, который должен был в своей работе эти подсчеты иметь, подсчитать и дать нам совершенно определенную динамику. Но тов. Каменев вместо этого, приводя здесь в своем выступлении выдержку из статьи в „Экономической Жизни“, обнаружил свое полное незнание и непонимание этого вопроса.

В самом деле, что здесь говорится? Здесь говорится, что собственные капиталы частников составляют 426 млн. рублей, а вместе с тем их прибыль составляет 400 млн. руб. Какая именно прибыль, тов. Каменев? Прибыль валовая, которая является и заработной платой, и содержанием всех частников. Если мы возьмем количество частных торговцев, о которых идет речь, — а цифра эта выражается в сотнях тысяч заведений, — если помножим сотни тысяч заведений на количество членов семей, то от той колоссальнейшей прибыли, с которой т. Каменев сделал скидку на половину (он сам говорит, что эта статистика совершенно никуда негодна), остается пустяковое ничтожное накопление. Тов. Каменев совершенно не понял цифр, приведенных в докладе Кутлера, а т. Пятаков, которому, как заместителю председателя ВСНХ, нужно было бы это знать, говорил здесь о чистой прибыли, пользуясь совершенно неверными методами подсчета.

Я вам расскажу, что это за методы подсчета. Я оглашу документ, который был составлен по моему требованию, ибо я непосредственно занимаюсь торговой политикой; я воевал за упорядочение торговли с кооперацией, я воевал с Наркомторгом, я за этим слежу и наблюдаю. Не разобравшись в той записке, которая попала к т. Пятакову, он бухнул ее с этой трибуны. Я говорю о 46 процентах и 11 процентах. Подумайте только, если бы накопление в год возможно было в сумме 600 млн. руб.,— какие же колоссальные капиталы были бы в частных руках? Если бы чистое накопление составляло 600 млн. руб., как говорил здесь т. Пятаков, то разве Кутлер мог бы говорить о том, что частники имеют прибыль в 400 млн. рублей? Разве можно было бы говорить, что собственных капиталов частники имеют 426 млн.? Надо же связывать в этом вопросе концы с концами. Мы вовсе не бедны данными по вопросу роста и динамики частного капитала. Политбюро назначило меня председателем комиссии, и мне приходится по этому титулу заниматься этими данными.

Какова же та таблица, на которую ссылался т. Пятаков? „В прошлом году по семи товарам: текстильной, металлической, нефтяной, сахарной, соляной, химической и табачной отраслям промышленности частниками было продано в среднем 46 процентов из всего того количества, которое было продано в розницу“. Эти 46 процентов, т. Пятаков, к вашему сведению, составляли не два ваших фантастических миллиарда, а всего 940 млн. рублей. Из общей товарной массы, идущей в розницу, в два миллиарда частник продал на 940 млн. рублей. Вот основные данные.

Пятаков (с места). Я вовсе говорил не об этом.

Дзержинский. Вы говорили об этих 46 процентах и 11 процентах распределения в плановом порядке.

Пятаков (с места). Я говорил о других данных, а не об этих.

Дзержинский. Нет, именно об этих данных. Извольте мне представить те другие данные, если вы говорили о других. Вы говорили, что в плановом порядке вы снабжаете 11 проц., а частник имеет всего 46 проц. Это и есть тот же документ.

Теперь об оптовых ценах. И здесь то же невежество и незнание; оптовые цены снижены были нами не на 37 проц., как утверждал Пятаков, а на 27 проц. Какова же была накидка на оптовые цены? Накидки по этим изделиям были совершенно иные, не те, о которых говорит тов. Пятаков, ибо накидка в 62 проц. относится не к прошлому году, а только к самому последнему времени,—она относится к тому времени, когда мы частника из-за недостаточности товаров зажали в бараний рог, когда он должен был переплачивать, когда он должен был нанимать безработных, ставить их в хвосты, оплачивать их, когда он должен был окупать всю бесхозяйственность в наших торговых организациях. Я вам назову все индексы, которые были в прошлом году в частной торговле на предметы первой необходимости. На 1 октября 1923 года, когда наши оптовые цены были очень высоки, накидка в частной торговле была только 8 проц.; на 1 октября 1924 г. она составляла уже 40 проц. в частной торговле; на 1 октября 1925 г. она составляла 51 проц. Где же эти 62 проц.? Затем, идет по порядку, по месяцам: 54 проц., 58, 56, 56, 57, 62 проц.

Пятаков (с места). Я говорю в среднем 60 проц.

Дзержинский. Тов. Пятаков свое невежество уже обнаружил и поэтому ему позволительно кричать.

Троцкий (с места). А вы всегда пользовались молчанием, тов. Дзержинский?

Дзержинский. Я думаю следующее. Вы—свидетели уже не один день, как меньшинство желает вывести из равновесия большинство, и я не буду на такие реплики обращать внимания, ибо чем мы больше обращаем внимание на эти выходки, тем больше мы этим даем

возможность оппозиции нашу деловую работу дезорганизовывать.

Голоса. Верно!

Вот какие накидки были на вольном рынке. На апрель мы имеем: по ситцу—74 проц., гвоздям—83 проц., керосину—26 проц., калошам—41 проц., сахару—7 проц., подсолнечному маслу—41 проц., махорке—31 проц., спичкам—22 проц. Это — на вольном рынке. Какие же накидки были у нас в нашей кооперативной системе? По данным Центросоюза, на 1 марта: по ситцу—36 проц., при чем 36 проц. не от отпускной фабричной цены, а от цены Центросоюза; следовательно, если бы считать от наших отпускных фабричных цен, то процент был бы выше. По ниткам—38 проц., калошам—32 проц., железу—42 проц. и т. д., и т. д. Вот видите, что разница между частными и нашими кооперативными торговыми организациями не является такой огромной, такой колоссальной, что она могла бы свидетельствовать о том, какое огромнейшее, колоссальнейшее накопление происходит в частных руках. Надо сказать следующее, что область, в которой народным комиссаром состоит тов. Каменев, является больше всего неупорядоченной, больше всего поглощающей наш национальный доход. При чем тут развитие нашей промышленности? Тов. Пятаков предлагает со свойственной ему энергией все средства, откуда бы они ни шли, гнать в основной капитал. Но именно такая постановка—разве она не есть сдача позиции частному капиталу? Если мы в наших промышленных и торговых организациях изымем и обратим оборотные средства на основной капитал, ясно, что частник на рынке сможет овладеть процессом обращения. Если мы желаем вести борьбу с частным накоплением, с частной торговлей, то какие мероприятия должны быть приняты нашей партией и Политбюро? Урегулирование взаимоотношений кооперации с промышленностью, укрепление всеми силами кооперации не теми методами, чтобы покрывать ее недостатки,— я являюсь величайшим врагом таких методов, как являюсь врагом того метода, который предлагает тов. Пятаков по отношению к промышленности, — представлять дело так, что у промышленности все благополучно, а только давайте побольше деньжат. Также необходимо упорядочение нашей кооперативной торговли, осуществление постановлений в отношении ее XIII с'езда и упорядочение регулирования по отношению частного капитала, частных торговцев. Это даст нам возможность частное накопление приостановить и усмотреть, в какой области частный капитал усиливается и растет. Если говорят вообще о его росте, это неправильно, но есть участки, на которых он растет и развивается. Это именно те участки, которыми владеет т. Каменев, участки заготовок среди крестьянства.

Голос. Скажите про оптовую.

Дзержинский. Что касается оптовой торговли, то ВСНХ при помощи своих синдикатов из оптовой торговли частника так выжил, что он там играет незначительную роль. А где частник силен? В хлебозаготовках, в заготовках кожи, т.-е. в той области, которая находится в ведении тов. Каменева. А он приходит сюда и плачет, что все у нас скверно: мужик богатеет, благосостояние у него увеличивается. А тов. Пятаков говорит, что деревня богатеет. Вот несчастье! Наши государственные деятели, представители промышленности и торговли, проливают слезы о благосостоянии мужика. А какое благосостояние: 400 млн. мужики накопили, по 4 рубля на брата. (Смех, голоса: еще меньше).

Тов. Пятаков говорит: деревня нас обгоняет. Если сравнить цифры нашего развития, то мы имеем в промышленности рост в последние 2 года в 60% и 40%. А каков процент роста сельского хозяйства? Когда т. Каменев приводит данные: „Смотрите, на $2^1/_2$ млрд. товаров мужик получил в прошлом году, а теперь ему дают на 3.600 млн. руб.“, я спрашиваю, по каким это ценам? По розничным. А что значат розничные цены для мужика? Разве неизвестно вам, т. Каменев, какое отношение между продажными ценами мужика и теми ценами, по которым мужик получает промышленные изделия? Разве наше внимание не должно быть обращено на эту сторону? В чем тут вопрос, в чем дело? И тут выступает на смену программа тов. Пятакова, бессмысленная, антисоветская, антирабочая программа за повышение отпускных цен. Это — ликвидация нашей борьбы за снижение розничных цен. Он совершенно отбрасывает то, о чем сам раньше говорил, что мы в СССР являемся передовым социалистическим отрядом, должны равняться по заграничным коэффициентам цен, качества и т. д., иначе нас будут бить. Тов. Пятаков забыл об этом, забыл о том несчастье, которое сопутствует нашему развитию, о том несчастье, что у нас не упорядочено дело снижения цен.

Жаль, что т. Каменев нам не рассказал, почему у нас хлеб есть, а экспорта нет. Почему это так? Именно потому, что у нас слишком высокие цены,—вот почему его нет. Потому, что нет никакого интереса за границу его посылать. Почему тов. Каменев здесь нам не расскажет и не рассказал, какие бешеные, сумасшедшие накладные расходы в наших заготовительных аппаратах по заготовке хлеба? Почему он не рассказал нам о том, что эти высокие цены, которые мы имеем, определяются не тем, что у нас большое накопление в торговле и промышленности, а тем, что мы ведем наше хозяйство страшнейшим образом бесхозяйственно? К примеру из практики тов. Пятакова. У нас, как вы знаете, пятилетние планы вырабатываются по различным отраслям народного хозяйства. Между прочим, с одним из них мне пришлось ближе познакомиться. Это план относительно резиновой промышленности. По этому плану предполагалось, что мы в шинном и галошном производстве сможем достигнуть известного уровня лишь только в 1930 г., а так как потребность к тому времени будет гораздо больше технических возможностей действующих заводов, то нам нужно построить в Ярославле новую фабрику, на которую нужно будет потратить 42 млн. рублей. Больше двух миллионов рублей уже издержано на заготовку всяких материалов и т. д. Я говорю о той бесхозяйственности, за которую я отвечаю. (Пятаков подает реплику, но ее за общим шумом не слышно). Вы сами ошибались, но я за ВСНХ отвечаю и за вас. Поэтому я не отказываюсь от наших промахов, и поэтому оказалось, что то, чего мы думали достигнуть по пятилетней программе, мы сейчас уже достигли без всякой постройки новой фабрики, и те улучшения, которые могут быть произведены сейчас, могут дать колоссальнейший прирост нашего производства во всех отношениях.

Я скажу и еще одно, так как т. Пятаков говорил, что я говорю из его области, я скажу из своей области, где я являюсь председателем непосредственно,—из Главметалла. По Главметаллу в этом году мы засадили напрасно 45 млн. руб., как это сейчас выявляется. На всякие полуфабрикаты, на всякие запасы, которые не отвечали программе, мы засадили до 45 млн. руб.

А если вы посмотрите на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу не-

слыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас. Я не раз приходил к председателю СТО и Совнаркома и говорил: дайте мне отставку или передайте мне Наркомторг, или передайте мне из Госбанка кое-что, или передайте мне то и другое, потому что столько согласований, что нельзя решать вопроса, нельзя так работать. Мы подняли кампанию за снижение розничных цен.

Председатель. Время истекло. Сколько еще нужно?

Дзержинский. 10—15 минут.

Голоса с мест. Без ограничения времени.

Дзержинский. Товарищи, когда спрашивают, „кто кого", и когда спрашивают, за чей счет,—пусть смотрит наш Наркомторг, чтобы богател такой человек, который нам нужен, пусть с этой трибуны не говорит, что деревня вообще богатеет.

Каменев. Чтобы Дзержинский не засаживал 45 млн. рублей напрасно.

Дзержинский. Для того, чтобы Дзержинский не засаживал 45 млн. рублей напрасно. Да, да.

Каменев. Вы 4 года нарком, а я только несколько месяцев.

Дзержинский. А вы будете 44 года, и никуда не годны (смех), потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя, тов. Каменев, никогда. (Голоса с мест: правильно!) И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них. Мне одному справиться трудно, поэтому я прошу у вас помощи, и я уверен, глубочайшим образом, что если бы Наркомторг был в одном комиссариате с нами, мы гораздо скорей двинули бы дело снижения розничных цен и улучшения аппарата.

Вот, да, Политбюро знает, не сомневается, что Наркомторг для защиты крестьянства создан. Как же, для защиты крестьян. А кто ведет политику снижения цен? Кто говорит,—не нужно цены повышать? К чести ВСНХ нужно сказать, что он все время проводил и на своих плечах вынес директиву снижения цен, к чести его нужно сказать, он вынес эту директиву, а к чести т. Пятакова, что он выполнять эту директиву нам не мешал. (Петровский: только всего?—и за это спасибо). Если говорить о накоплении,—нужно сказать, за чей счет оно производилось. Тов. Каменев приводил цифры распределения товаров между городом и деревней, да он забыл об одном: что деревня была нищая, что в ней было в значительной степени натуральное хозяйство, а теперь товарность ее растет изо дня в день, и поэтому специализируется работа; технические культуры все больше и больше растут, все больше растет и товарооборот города с деревней. Поэтому я скажу: надо страну индустриализировать, а этого не будет, если не будем получать все в большей и большей степени продуктов сельского хозяйства. Почему? Потому что нам нужно из деревни сырье, нам нужен хлеб, нам нужна кожа, нам нужна картошка, шерсть, нам нужно деревенское сырье. Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни. Я спрашиваю: что значит богатение деревни по сравнению с тем развитием, которое получает наша промышленность в отношении удовлетворения нужд рабочих? Весь фонд заработной платы в крупной государственной промышленности, т.-е. фонд, обнимавший не всех рабочих, а только 1.420.000 чел. в октябре 1924 г., а на первое апреля 1926 г. — 1.904.000 человек, возрос с октября 1924 г. по апрель 1926 г. с 59 млн. до 104 млн. в месяц, т.-е. почти вдвое. Как тут можно сравнивать город с деревней? Я прямо не знаю, как назвать такое отношение. Если взять рост заработной платы на одного человека, то в октябре 1924 года она была 1 р. 69 коп. в среднем по всей промышленности, в марте этого года— 2 руб. 38 коп. в день. Металлическая промышленность— 1 руб. 87 коп., в марте — 2 руб. 78 коп., текстильная промышленность — 1 руб. 46 коп.—2 руб. 01 коп., химическая промышленность—1 руб. 40 коп.—2 руб. 40 коп. и т. д.

Из всего сказанного вы видите, как росла зарплата рабочих, но так как **Наркомторг плохо работал, так как он недостаточно обуздывает частный капитал**, те жертвы, которые несла промышленность, не полностью отражались на увеличении бюджета рабочего, так как уменьшалась покупательная способность денег, которые промышленность рабочему давала, вследствие роста розничных цен.

И поэтому, если вы посмотрите график, как росла реальная заработная плата, то увидите, что благодаря этим высоким розничным ценам, то-есть благодаря неупорядочению нашей торговли, заработная плата за 5 месяцев реально фактически несколько понижалась. Вот поэтому вместо того, чтобы заниматься разговорами о зарплате вообще, надо заняться снижением розничных цен. Но когда мы вносим предложение относительно обуздания частного капитала, Наркомторг отмахивается. Он боится, как бы тут нэп не нарушить, чтобы чего не испортить. (Реплика Пятакова, которую не слышно). Тов. Пятаков, если хотите, я могу огласить документы, хотя у меня времени мало. Я знаю, вы бы этого не сделали. (Смирнов: он хитрее). Я знаю, что Наркомторг — это есть Каменев. Что он хитрее, я знаю, а, во вторых, тов. Каменев и туда и сюда. Если взять, как он работает, то он не работает как следует быть, а и туда и сюда. В этом заключается его слабость. Что мы предлагаем по отношению к частнику? Мы говорим: для того, чтобы снизить розничные цены нашего частника, мы должны давать ему товар только в плановом порядке, только по договору: „не имеешь права больше 20 проц. накидки делать". И мы прибавляем, к сведению тов. Пятакова, что еще десять — пятнадцать процентов на частника надо набросить в пользу государства. Если мы даем ему на определенную сумму, он должен известный процент подать за то, что мы ему наш товар, государственный товар даем.

Спросите-ка наркомторга, как он к этому относится. (Тов. Пятаков, которого не слышно). Ничего подобного. Что он махает руками? Надо уметь вносить предложения, а не демагогией заниматься. Мы внесли в Политбюро, мы внесли в СТО совершенно реальные и конкретные предложения. Кем они были отвергнуты? Вот, возглавляющим учреждение Наркомторг. И канителят нас, и канителят нас без конца. Что мы дальше предлагаем? Мы предлагаем дальше репрессивные меры против спекулянтов. Тогда Наркомторг говорит: опасно нэп отменять.

Каменев. Кто это?

Дзержинский. Ваш заместитель. Тов. Фигатнер был при этих наших спорах.

Каменев. А я был?

Дзержинский. Что касается вас, то я думаю, что вы вообще очень часто не бываете.

Ворошилов. Занят литературным творчеством.

Дзержинский. Разрешите мне в нескольких словах перейти к той области, которая тов. Пятакову должна быть более известна и которую он, к сожалению, безбожно перепутал здесь. Вы помните, когда тов. Каменев говорил относительно того, что мы в будущем году расширяемся на 15—16 проц., то тов. Пятаков подсказал, что в области предметов широкого потребления на 11% только.

Пятаков. Это неверно.

Дзержинский. А как вы сказали?

Пятаков. По отношению к отраслям промышленности, работающим на широкое потребление.

Дзержинский. Верно. Я могу сказать, как вы сказали. Но вы запутались. К сожалению, тов. Пятаков вчера ушел с нашего заседания президиума, когда происходило рассмотрение контрольных цифр и когда мне было доложено на президиуме вчера утром, что тяжелая индустрия увеличивается на 24, даже на 25 проц., а легкая всего только на 11 проц., я сказал, явная несуразица — при увеличивающейся товарности крестьянского хозяйства, при росте заработной платы говорить, что мы можем ограничиться только 11 проц. увеличения предметов широкого потребления, говорить при этом, что мы ни копейки на ввоз готовых изделий из-за границы в нашей программе дать не можем,—это значит предлагать неосуществимую, неверную программу. Ибо это означает срыв нашего червонца, а срыв червонца обозначает срыв заработной платы. Тогда мне все работники, которые для тов. Пятакова подрабатывали этот вопрос, сказали: „Не бойтесь, мы взяли подразделение искусственное, взяли такую так называемую тяжелую индустрию". Что такое тяжелая индустрия? Весь металл, вся электротехника, вся нефть, все топливо—это тяжелая индустрия, а остальная — легкая, и тогда так называемая легкая индустрия и тяжелая индустрия такой процент дают. Но вы ведь знаете, металлопромышленность работает на широкий рынок, сельскохозяйственные машины—на широкий рынок. А керосин в деревню не идет? Что там—лучину жгут, что ли? А лампочка электрическая в деревню не идет? Я спрашиваю, а как тогда будет? Мне ответили, что если взять эти цифры, то получается такой рост, что в прошлом году и в будущем году будет процент взаимоотношений один и тот же, т.-е. что в одинаковой степени увеличивается внутреннее производство только для промышленности, транспорта и строительства и одинаково для широкого рынка. Поэтому пусть вас не пугает эта цифра, тов. Каменев. Мы исправили вчера же на заседании президиума ошибку тов. Пятакова и в другом отношении. Вы помните, он здесь выступал с речью о том, чтобы не сокращать текстильных рабочих. Но кто составлял текстильную программу так, что надо было 49 тысяч рабочих уволить? Программа был составлена по указанию Пятакова.

Пятаков. У меня директива была обратная — не сокращать.

Дзержинский. Видите ли, вы занимаетесь собесовской точкой зрения: нанимать лишних рабочих и их не увольнять. Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности. Я думаю, что мы не можем пойти на то, чтобы рабочие текстили и наши ткацкие станки бездействовали при ужасающем товарном голоде. Нам придется пересмотреть, тов. Пятаков, импортную программу и купить за границей дополнительно миллион пудов хлопка.

Пятаков. Что я и предложил.

Дзержинский. Но чего вы не говорили. Достаточно было моего присутствия на президиуме, чтобы эту ошибку исправить. И мы исправили ошибку. (Реплика Троцкого не уловлена). Конечно, все хорошее исходит только от последователей тов. Троцкого, а все дурное исходит от того, кто с ним не соглашается.

Тов. Пятаков говорит: „Я указывал на нашу бесхозяйственность, на те резервы, которые имеются в торговом нашем аппарате и в производственном нашем аппарате". Но тов. Пятаков все зарится на бюджет. Я спрашиваю, армию надо сократить? Армию сокращать нельзя, а армию и расходы на армию надо сейчас увеличивать.

Голоса: Правильно!

Каменев. А Военпром? Что вы сделали с Военпромом?

Дзержинский. Тов. Каменев, видите ли, какая есть разница между мною и вами: что вы всю беду взваливаете на лицо, которое возглавляет, а я этого не делаю. (Реплика Бакаева не уловлена). Пожалуйста, тов. Бакаев, расскажите вы нам о вашем хозяйствовании. Я на ваши пустяки не отвечаю. Меня на эту работу назначил Центральный Комитет партии, и поэтому я ваше замечание отметаю.

Что еще сокращать в бюджете? Расходы на образование? Тов. Пятаков, может быть, вам скажет, как наша промышленность задыхается от недостатка культурности, от недостатка квалификации. Мы не можем сократить этих расходов. Мы должны и можем сократить чисто административные расходы нашего аппарата, и Совет Труда и Обороны принял постановление о сокращении этих аппаратных расходов. Тов. Пятаков дальше говорит: зачем это вы нас дергаете? В конечном счете вы даете средства, зачем дергаете? Я целиком к голосу тов. Пятакова присоединяюсь. Действительно, когда мало средств, когда наши хозяйственники предъявляют требования преувеличенные, когда средств мало, то получается сплошная мука. То, что переживаем мы в области кредита, в области средств, я утверждаю, раз мы пошли на путь индустриализации, раз взяли тот темп, который имеем,—это неизбежно, но не надо здесь преувеличивать и преуменьшать. Тов. Пятаков сказал, что мы требовали в третьем квартале, чтобы от нас не отнимали и нам ничего не давали. Надо сказать, мы требовали не это. Мы требовали увеличения на 81 миллион. Тогда нам не дали этих 81 миллиона, а Шейнман, там сидящий, предлагал кредитование сократить на 45 миллионов, а мы требовали его увеличения на 81 миллион; в конце концов нам отказали и приняли точку зрения Госбанка; действительно, тогда увеличивать кредитование нельзя было. Когда же увеличение кредитования стало возможным и особенно необходимым, тогда нам эти средства дали. Поэтому вы видите, что именно все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и пленум ведут. (Аплодисменты).

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ.

СТАТЬИ

И

РЕЧИ.

Феликс Дзержинский умер.

Вчера умер Дзержинский. Загорелся последней пламенной речью, пролил на всех огонь своей бурной души... и сгорел в этом пламени, исчез навсегда, ушел навеки.

Вот, как живой, стоит на трибуне. Сухой, энергичный, весь точно натянутая струна. Его речь — не речь, а крик ума и сердца, крик бешеной воли и творческой страсти. Каждая цифра звенит этой страстью. Каждое слово, точно спущенная с тетивы острая стрела, вонзается в головы товарищей. Все чувствуют: вот человек, который отдается делу весь, целиком. Его самого для него нет. Он не смотрится в историческое зеркало, как, вероятно, никогда не смотрелся он и в простое зеркало. Он растворился в работе. И эта работа, ее нужды, ее болячки, ее язвы, ее трудности кричат таким разящим криком, убеждают, зовут на помощь, опровергают, требуют...

Странный румянец играет на щеках, то вдруг вспыхивая, то исчезая. Лихорадочно блестят глаза, блестящие внутренним огнем и в то же время такие больные. Лицо — строгое и энергичное — революционного борца, преданного до конца, до гроба (лицо „фанатика" — сказали бы филистеры). Горячая речь, горячая жестикуляция, могучий напор воли... Но смотрите: что это с ним? Руки как-то судорожно хватаются за сердце, точно хотят вырвать сосущую боль. И вдруг голос, так страстно, почти экзальтированно звучащий, внезапно спадает почти до полушопота. Капельки пота ползут по лбу, спускаются струйками вниз. „Но ведь так бывает с ним всегда" — успокаиваешь себя, с мучительной тревогой глядя на любимого верного товарища. А внутренний голос зловеще говорит: „обреченный, обреченный". И жестокая боль щемит сердце...

С мрачным предчувствием шел я со вчерашнего пленума, прямо после речи Феликса. Уже сказали, что ему стало дурно. Не хотелось беспокоить, — ведь тут нужен абсолютный покой. А роковое предчувствие все росло и росло... И вдруг телефонный звонок: „Дзержинский умер!"

„Дзержинский умер!" Знали ли вы, друзья и товарищи, этого человека? У нас много было героев — и много есть еще крепких стальных людей в нашей „железной когорте". Но Дзержинский был в своем роде единственным. И такого у нас больше нет. Точно кипящая лава революции, а не простая человеческая кровь текла и бурлила в его жилах. Странно представить себе Дзержинского спящим. Почти невозможно представить его себе мертвым. Ибо это был настоящий огонь революции, яркий, как факел, неукротимый, как ураган, испепеляющий, как великая страсть, которая пожирает все. Кто видел Дзержинского усталым? Кто видел его бездеятельным? Это — вопросы не о Дзержинском. Ибо он, казалось, работал, боролся, кипел всегда, не зная ни отдыха, ни срока. Таково уж было свойство его натуры. „Если я работаю, я работаю весь", — сказал он в своей последней речи... и умер. И такой работой была вся его жизнь...

Революция требует жертв. И революция целиком взяла Дзержинского. С многолетней каторгой за плечами, бросился освобожденный от кандалов Феликс в бурный поток великого семнадцатого года. Все мы помним этого грозного революционного бойца в тот период. Беспощадный к врагам, всегда на посту, Дзержинский делал дело, отражая суровой рукой все нападения врагов. Бессонные ночи. Постоянная тревога. Постоянно сжатая сухая и энергичная рука. Вечная бдительность. Громадная ответственность. И в то же время абсолютное отсутствие позы, хотя бы и исторической. Никогда Дзержинский не играл ни в какие Дантоны или Мараты. Он был прост, как редко кто может быть прост. Он делал всегда то, что приказывала ему делать партия, которая была ему дороже всего на свете, за которую он жил и за которую он умер. И оттого Дзержинский был — и пребудет — рыцарем без страха и упрека, рыцарем коммунизма, которого не забудут никогда.

И в Чека, и на транспорте, и на хозяйственной работе, и в партийном Цека, и среди масс — знали Дзержинского, как неподкупного, отважного, непреклонного, кристально чистого, прямого и открытого. Он всегда шел с открытым забралом. Он всегда говорил правду и был суров и по отношению к себе, и по отношению к другим, если нужно было быть суровым. Нередко он говорил правду так, как никто не мог бы ее сказать, кроме него. И он имел полное право на это. Он завоевал себе это право всей своей жизнью, жизнью настоящего подвижника революции, для которого революция все: и воздух, и свет, и тепло, и любовь, и сама жизнь.

Бесконечная и безграничная вера в творческие силы пролетарских масс двигала Дзержинским. Она наполняла его всего, она захватывала его целиком. Совершенно цельная натура, Дзержинский шел своей дорогой с необычайной естественной простотой. Оттого он пользовался таким авторитетом, оттого так обаятельна была его личность, оттого его так любили. Совершенно исключительная честность по отношению к делу сочеталась в нем с огромным запасом истинно человеческой чуткости к людям: этот суровый начальник Чека был, действительно, обаятельной человеческой личностью, прекрасным товарищем каждому, кто шел по тернистому революционному пути...

Не так давно у Дзержинского был „отпуск". Этот „отпуск" состоял в том, что Феликс дни и ночи обследовал положение южных металлических заводов. Из этого „отпуска" Дзержинский приехал еще более больным. Ведь, пожалуй, никто так остро, с такой душевной болью, с такой тревогой не переживал наших недостатков, как этот боец. Он буквально страдал из-за каждой, хотя бы самой маленькой, неудачи. Он на каждом шагу опровергал пресловутую „народную мудрость", гласящую, что „своя рубашка ближе к телу". Забота об общем, о великом и малом, грызла его непрерывно и в то же время заставляла его тратить все силы, без остатка, до конца, до какого-то остервенелого перенапряжения. С величайшей добросовестностью берясь за любую работу, Дзержинский забывал о себе начисто. И он сгорел, как факел, освещающий путь к великому будущему человечества.

За нашу партию, за ее единство, за диктатуру нашего класса жил и умер этот замечательный человек. Его главный завет: единство, дружная работа, творчество, борьба. Будет это — будет невиданная победа. С этой мыслью связывается незабываемый образ дорогого товарища. Прощай, наш родной! Прощай, наш верный боец!

Н. БУХАРИН.

21 июля 1926 года.

Феликс умер!

Феликс умер! 20 июля это известие ошеломило всех. С исключительной остротой оно было воспринято теми товарищами, которые еще за $2^1/_2$ часа до смерти Феликса слушали его кипучую речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

Особенно поразила смерть Феликса всех тех, кто имел счастье знать его лично, вести вместе с ним партийную и государственную работу.

Отличительной чертой Феликса был суровый аскетизм его личной жизни и безудержная растрата всех своих сил и нервов на партийную и советскую работу.

Феликс ничему не мог отдаваться наполовину. В каждое дело он уходил весь и отдавал ему все свои силы без остатка. Он горел ярким огнем творчества и революционной работы.

С величайшей страстностью он реагировал на каждую неудачу, с исключительным напряжением своих недюжинных сил он выдвигал перед партией и государством все новые и новые задачи. И всех заражал волей к победе, всех не приказом, а личным примером заставил работать не за страх, а за совесть, работать до отказа.

Феликса все, кто его знал, любили. Его любили за то, что он был воплощением беззаветной преданности революции, рабочему классу, коммунистической партии.

Мы потеряли в лице Феликса героя Октябрьской революции, мы потеряли чистейшее сердце, мы потеряли человека огромного размаха, который всю свою жизнь с величайшей страстностью отдавал революционной борьбе.

Всеми фибрами своей огненной души он был связан с партией, в ней он провел всю свою жизнь, ей он отдал все свои силы. На партийном посту он умер. Вопросы партийной жизни волновали его больше всего. „Боритесь со всей решительностью, со всей беззаветностью против всякой опасности единству партии“,—вот что чаще всего повторял Феликс.

Партия исполнит этот завет тов. Дзержинского.

А. РЫКОВ.

Дзержинский.

После Фрунзе—Дзержинский.

Старая ленинская гвардия потеряла еще одного из лучших руководителей и бойцов. Партия понесла еще одну незаменимую потерю.

Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь Дзержинского—тюрьмы, каторгу, ссылку, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией, восстановление разрушенного транспорта, строительство молодой социалистической промышленности, — хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: г о р е н и е. Г о р е н и е и геройская о т в а г а в борьбе с трудностями.

Октябрьская революция поставила его на тяжелый пост,—на пост руководителя Чресвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией. Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражавшего стальною рукой удары врагов пролетарской революции. Гроза буржуазии — вот чем был Феликс Дзержинский.

„Мирная эпоха“—Дзержинский горит, налаживая расстроенный транспорт, а затем в качестве председателя Высшего Совета Народного Хозяйства горит на работе строительства нашей промышленности. Не зная отдыха, не чураясь никакой черной работы, отдавая все свои силы, всю свою энергию делу, которое ему доверила партия,—он сгорел на бурной работе в пользу пролетариата.

Прощай, герой Октября! Прощай, верный сын партии!

Прощай, строитель единства и мощи нашей партии!

И. СТАЛИН.

О Феликсе Дзержинском.

Умер Феликс. Еще вчера, в 12 час. дня, мы сидели рядом в пленуме ЦК и ЦКК и беседовали о делах, которые мы должны были согласовать между собою после пленума, а в 4 часа 50 мин. я стоял у остывшего тела.

В зале заседания пленума настроение у него было хорошее, но несколько нервничал, как это всегда бывало с ним перед выступлением. Он держал в левой руке материалы к своему выступлению. Я спросил его:

— Долго, Феликс, будешь говорить?

— Если дадут, — полчаса: цифр собрано у меня много.

В 1 ч. 30 мин. Феликс получил слово. Он говорил горячо, повышенным голосом, убедительно, резко и ясно. На реплики противников он отвечал метко, определенно и беспощадно.

Товарищи слушали Феликса внимательно, глядели на него с той особенной любовью, которой только он пользовался. Его нервность, его горячность, его убежденность и преданность делу передавались товарищам и заражали всех нас.

Я сидел перед самой трибуной и, как другие товарищи, с тревогой следил за ним, как он тяжело время от времени переводил дыхание, переходя от одного вопроса к другому или отвечая на реплики. Кто мог думать, что это будет его последнее выступление, что через несколько часов этот вечно кипучий, вечно деятельный и вечно горевший человек будет лежать на своей кровати навеки бездыханный, неподвижный и навсегда покинувший нас.

Чувства и мысли не всем удается перенести на бумагу. То, что я чувствую по поводу смерти Феликса Дзержинского, как один из его друзей, можно и не писать здесь. Но некоторые мысли о том, кого мы потеряли в лице тов. Дзержинского, мне хочется здесь высказать.

В лице Феликса мы потеряли одного из самых наилучших товарищей старой ленинской большевистской школы.

Бесконечная преданность партии, абсолютная внутренняя и внешняя дисциплинированность, высокая принципиальность, несокрушимая прямота и честность — вот черты Феликса, как партийца.

Необыкновенная работоспособность, отдание себя целиком делу, за которое он брался, полное прислушивание к мнению специалистов, знающих людей вообще, но собственная проработки вопроса, общественное знание вопроса, твердая вера и убеждение во всяком деле, которое он защищал и проводил, — вот черты Феликса, как работника.

Неустанная и зоркая бдительность за безопасностью нашей революции. Постоянная тревога, чтобы к нам не проникли враги. беспощадная борьба и расправа с контрреволюцией, беспощадная суровость к лицам, допускающим злоупотребления, корысть, попустительство, явную небрежность и неправильность. Полная справедливость к тем, кто заблуждался, кто подавал надежды на исправление, кто не был или не мог стать вредным революции, полное объективное и всестороннее выяснение виновности или невиновности отдельных лиц или групп, которые попадались под карающую руку ВЧК или ОГПУ — вот черты Феликса, как самого первого, самого грозного и самого справедливого чекиста.

Постоянная забота о товарищах, внимательное отношение к их нуждам, сплачивание работников вокруг одного дела, вокруг определенных целей и задач, умение вселить в своих работниках энергию, отвагу, полную преданность делу — вот черты Феликса, как товарища и руководителя.

Абсолютное отсутствие чванливости, искренность, приветливость и простота, кристальная чистота, скромность, умение обходиться во всем лишь самым необходимым минимумом; на ряду с этим Феликсу „ничто человеческое не было чуждо“, он прекрасно оживлялся и умел оживлять в товарищеском кругу, поддержать веселье, пение, прогулку — вот черты Феликса, как человека.

Вся наша страна и вся наша партия потеряли большого деятеля, закаленного в ленинском огне борца и революционера.

Нужно было быть поистине необыкновенным человеком, чтобы, стоя во главе самого страшного карательного органа революции, завоевать себе имя человека несокрушимой воли и энергии, кристальной чистоты, беспощадного и справедливого и приобревшего беспредельную любовь и веру со стороны всего рабочего класса и всех трудящихся и уважение даже со стороны врагов.

Прощай, дорогой друг и товарищ!

Мне всегда радостно будет вспоминать о тебе, но горько будет сознание, что больше не увижу тебя.

А. ЕНУКИДЗЕ.

Борец.

Борьба за социализм рука об руку с пролетарскими массами была стихией Дзержинского. Нельзя представить его вне борьбы, вне масс. Великую страсть, неизмеримую преданность вкладывал он в дело служения социализму. Партия пролетариата была для него высшим мерилом всех его поступков. Вне партии, вне борьбы, вне круга партийных соратников для него не было жизни. Борьба за пролетарское дело потребовала от него величайших жертв, она же дала ему высшую радость. Он приобрел мировое имя: предмет ненависти для врагов, доверия и любви для борющихся во всем мире масс пролетариев. В штабе первой пролетарской революции он был необходимой и выдающейся фигурой. Его личное обаяние опиралось на глубокую искренность и полную бескорыстность служения делу пролетариата. Его уход — глубокая рана нашему общему делу. Труднее будет нам без Дзержинского вести дальше борьбу за коммунизм! Но с памятью о нем коммунизм — цель, содержание жизни Дзержинского — победит во что бы то ни стало.

А. КАМЕНЕВ.

Товарищ Юзеф.

Первая встреча — в 1906 году... Молодой тов. Юзеф (Феликс Дзержинский) принадлежал тогда к СДП и Л— дружественной большевикам. Соратник Лео Иогихеса (Тышко), ученик Розы Люксембург — Юзеф уже тогда был особенно близок к большевикам. Врезался в память образ молодого, кипучего, в личном общении обаятельного Феликса Эдмундовича. На лондонском съезде (1907 г.) тов. Юзефа не было. Если не ошибаемся — он был в тюрьме. Затем годы контрреволюции, годы борьбы за партию, — самое тяжелое для большевизма время. Во всех вопросах, в которых польские товарищи тогда расходились с большевиками. Юзеф неизменно подходил к большевикам ближе всех других. Затем 1917 г. Апрельская конференция — фактически первый открытый съезд большевиков после падения царизма. Ф. Э. — бесспорный кандидат в первый открытый ЦК большевиков. Октябрь. Чека. Кто должен быть председателем такого органа, как ЧК — гроза буржуазии, железная рука пролетарской революции? Конечно, товарищ Юзеф! Затем хозяйственный фронт. Весь без остатка, все силы души, целиком и беззаветно отдался делу социализма.

Умер один из самых лучших вождей пролетариата СССР и всего международного пролетариата. Перестало биться сердце, целиком и без остатка принадлежавшее пролетарской революции. Ушел борец и строитель, которому верили, которого любили, за которым шли. Память о тов. Юзефе будет жить в нашей партии, в Коминтерне, в мировом пролетариате.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

В эти часы...

В эти часы над мавзолеем, над высокой кремлевской стеной трепещет алое знамя, обрамленное скорбью.

В эти часы железные заступы гневно, со скрежетом бьют землю, роют землю Красной площади, коей судьба посулила печальную участь — быть гробницей лучших людей нашей страны, лучших людей человечества.

В эти часы из фабричных ворот, из дверей рабочих домов, казарм и общежитий люди — тысячи, десятки тысяч людей — площадями, улицами, переулками вышли к Дому Союзов, где лежит вот недавно живой и неутомимый „рыцарь пролетариата, благороднейшей борец коммунистической революции".

Эти стены уже не первый раз свидетельствуют стон и рыданье, эти колонны могли бы рассказать о безмерной скорби осиротевшего класса. Но как и в тот годами несмываемый день о печали и скорби, о великой утрате, понесенной партией и классом, они говорят только красно-черными полотнищами и поникшими знаменами.

Застывшими часовыми стоит у гроба почетный караул. Но так стоять не может тот, кому долгие годы, кому еще вчера Феликс Эдмундович был другом и соратником в упорной и славной борьбе. Склоняются головы и туманятся глаза, и многие сразу не разбирают того, что говорит молодой товарищ в красной фуражке — разводящий.

Словно огромный приводный ремень на большом колесе, тянется лента людей — рабочие, красноармейцы, служащие, партийные и беспартийные, с сединой в волосах, с красным пионерским галстухом на груди. Ни говора, ни шопота. Молча проходят, последний раз всматриваются в это лицо, уже мертвенно-бледное.

Как теперь эти люди — беспрерывной лентой проходили его годы в труде и борьбе.

Смена караула. Мария Ильинишна. Скрыпник. Уншлихт Подвойский... Вот впереди высокий рабочий склоняет знамя...

Тянется, тянется лента людей. Скорбную тишину прорезал, как звук набата, крик:

— Прощай товарищ! Мы тебя не забудем!..

Кто-то метался в истерике. Плач. Красноармейцы выводят плачущего в соседнюю комнату. Никто не оглядывается. Мысль занята одним: Дзержинский... умер.

Вот какая-то старушка-работница вдруг остановилась, задержав на минуту движение, и трижды поклонилась до самой земли...

Проходят колонны рабочей молодежи. Они пришли проститься с одним из борцов старой ленинской гвардии. Они знают и любят тов. Дзержинского. Но все ли они знают тов. Юзефа, все ли знают о тех годах, в кои ковалась наша партия?..

Музыка играет траурный марш. Знамена. Венки. Где-то в рядах придушенные всхлипывания.

Вновь и вновь сменяется караул. Вновь и вновь колонны рабочих, служащих, красноармейцев.

Титаническая борьба, гигантская работа. Всегда на самых передовых позициях борьбы и строительства... И последние, — вот недавно, на-днях, — страстные речи за режим экономии.

Но сил своих не сумел, не смог съэкономить... О таком режиме не думал.

Тянутся ленты людей... Мимо проходят они, чтобы вновь с поднятым знаменем вернуться к станкам, к винтовкам, к партийным и комсомольским ячейкам.

К борьбе, к работе.

Г. Р.

В Доме Союзов.

Сквозь черную сетку газа с люстр льется тусклый свет. В этом полумраке как-то по-иному выглядят и высокие пальмы над таким простым и страшным красным гробом, и какие-то глухие черно-красные стены Малого зала, и венки, ежечасно спускаемые с мозолистых рук к подножью гроба и у стен. На атласных лентах бросаются в глаза простые и четкие надписи: „Грозе контрреволюции — строителю коммунизма — от рабочих, крестьян и красноармейцев Северного Кавказа“, „Памяти любимого товарища и друга — Народный комиссариат путей сообщения“, „Основателю и руководителю — общество „Транспорт“, „Неутомимому борцу за коммунизм — первому чекисту — от военной школы имени ВЦИК“... И далее — от завода „Мастяжарт“, рабочих камвольной промышленности, аптеки Госмедторга и т. д. В ногах покойного масса живых цветов, среди которых горками возвышаются красные розы.

Сюда, затопив Свердловскую площадь и Охотный ряд, цепляясь концами за Тверскую, Большую Дмитровку и Неглинный проезд, идут густым потоком людские очереди. Идут мимо гроба со спущенными знаменами, с боевыми лозунгами, тихой, но гулкой поступью. На лозунгах начертано: „Велика потеря в рядах строителей социализма — теснее сомкнем ряды“. Многие идут с малышами на руках, озирающимися, вытягивающими головки в сторону гроба. Здесь после долгих минут ожидания, невольно задерживаются, зорко всматриваются в черты лица покойного. То и дело сменяются почетный и воинский караулы. Среди почетного караула в горделивой позе застыл пионер. Из соседней комнаты доносятся оркестровые мелодии. Часовые тихо просят: „Пожалуйста быстрее“. Вот дежурные санитары бесшумно проносят сразу двух упавших в обморок женщин...

Обогнув гроб и выйдя в темный переулок, эти бесконечные ряды тают и растекаются во все стороны, перебрасываясь редкими словами: „Ты видел, на груди орден Красного Знамени, заметь — никогда не надевал его“. А на смену уходящим, несмотря на дождь и поздний вечер, подходят все новые и новые отряды трудящихся.

В.

15 минут...

3 часа утра. Дневной свет проникает в комнату. Новый день — день 21 июля. А 20-го в 4.40 он умер. Комната — его рабочий кабинет. Книги, письменный стол, диван. Все предметы, все мелочи хранят еще отпечаток жизни. Слишком свежи еще следы прикосновений к ним того, кого уже нет.

А посреди комнаты, на возвышении — красный гроб. Красные цветы вокруг гроба, красная материя, и он — Феликс Эдмундович Дзержинский. Человек, имя которого знает каждый гражданин СССР.

Коричневый френч, простой коричневый пояс, знаки отличия на левой стороне груди. Спокойно, удивительно спокойно лицо, ровно сомкнуты веки, плотно сжаты губы.

В комнате тихо. Тихо и в длинном коридоре, и в соседних комнатах, — говорят шопотом, неслышно. Старые работники ОГПУ, эти закаленные в суровой борьбе и работе люди, стараются неслышно двигаться по комнате, ибо режет слух скрип грубых солдатских сапогов. Суровее обычного суровые лица, и в этой суровости сквозит горе. И так необычно и потому так особенно тяжело слышать из уст этих людей слова, глухо, с болью произнесенные: „Спи, родной“... Пристально глядят они ему в лицо и уходят, а за ними приходят другие.

В 3 часа 10 минут устанавливается почетный караул по 4 человека на 15 минут. 15 минут напряженной тишины. 4 пары глаз пристально вглядываются в это почти живое лицо — в последний раз. 15 минут, и снова другие глаза также устремлены на него.

М. ДМИТРИЕВА.

На боевом посту.

Феликса Эдмундовича не стало. Паралич сердца вырвал из наших рядов одного из самых выдающихся революционеров.

30 лет беспрерывной ожесточенной борьбы за социализм, из них одиннадцать лет тюрьмы, ссылки, каторги.

Феликс Эдмундович Дзержинский — одна из самых светлых, прекраснейших личностей старого поколения революционеров, беззаветно преданных делу пролетариата.

Никогда не знал он личной жизни и отдыха.

Весь горит, всегда полон энтузиазма, никогда не падает духом, всегда идет вперед, всегда на боевых позициях, на самых опасных и ответственных революционных постах. Всякую работу, всякое задание выполняет всегда с одинаковым рвением. Во всякую работу вкладывает все силы, весь порыв, неслыханную добросовестность и исполнительность.

Колоссальные требования предъявляет всегда по отношению к себе, к своей работе. Беспощадно бичует всех, независимо от занимаемых постов, заслуг, революционного прошлого, за всякие проявления колебаний, малодушие, за всякую неисполнительность.

Особенно беспощадную войну объявлял всем тем, которые покушались на ленинскую линию нашей партии, на ее монолитность.

Мы видим Феликса Эдмундовича в литовском и польском рабочем движении, начиная с 1896 года. Легендарной фигурой был тогда „Юзеф". Гроза для царского правительства. Самый любимый и популярный вождь революционных рабочих Литвы и Польши. Один из основателей большевистской партии „Социал-демократии Польши и Литвы", имеющей столь славное революционное и боевое прошлое.

Февральская революция открывает ворота каторги.

Феликс на свободе. Бросается с юношеским энтузиазмом в революционное движение. Принимает активнейшее участие в организации и руководстве Октябрьским восстанием.

Наступают послеоктябрьские дни. Пользуясь слабостью молодого рабоче-крестьянского правительства, наступлением на нас внешних врагов, контр-революция готовится взорвать советскую власть изнутри. Необходимо быстро создать карательный орган диктатуры пролетариата, который бы беспощадно расправлялся со всеми темными силами реакции.

Кому поручить руководство столь сложной, трудной, ответственной работой. У Владимира Ильича нет колебаний. Выбор падает на Феликса Эдмундовича, как на единственного кандидата, которому можно поручить это дело.

С первых дней Октябрьской революции он руководил борьбой с контр-революцией, изменой, предательством. Он был грозой не только для нашей контр-революции, но и для мировых хищников.

Период гражданской войны. Царское правительство свергнуто, а вместе с ним и весь государственный аппарат. Черные силы мировой реакции не позволяют нам приступить к мирному социалистическому строительству.

В дни гражданской войны приходится строить не только Красную армию, но и весь государственный аппарат. Стоят перед нами ударные боевые задачи. Одним из лучших руководителей и исполнителей этих задач всегда является Феликс Эдмундович.

Революционным порывом, натиском и неслыханной работоспособностью берет все препятствия, преодолевает все трудности.

Благодаря своему политическому чутью, неусыпной бдительности он предотвратил много неожиданных, иногда весьма опасных ударов. Дни и ночи он охранял страну от готовящихся на нее покушений. Историческая роль Дзержинского в этой области будет жить в умах и сердцах многих поколений раскрепощенного человечества.

1920 год. Наступление на Варшаву. Дзержинский — самый активный член польского ревкома. Полон энтузиазма, полон веры, что близок час раскрепощения рабочего класса Польши, свержения буржуазии, осуществления диктатуры рабочего класса.

Горячие желания Феликса тогда не осуществились. Польша осталась панской. Но он не унывает, не падает духом, он знает, что революция в Польше неизбежна. Нужна еще глубокая работа по революционизированию широких рабочих масс Польши.

Конец гражданской войны, начало мирного строительства. Дзержинский—на постах наркома путей сообщения и председателя ВСНХ. Начало его работы на поприще хозяйственном. Это — период полного падения трудовой дисциплины, прозводительности труда.

Он берется за новое для себя дело.

Он это понимает и сознает. Он берется за самое добросовестное, самое усидчивое изучение порученных ему областей хозяйственной жизни. Он скоро овладевает новым делом. Он всегда умеет брать быка за рога, выявить существо всех наших болезней и недомоганий.

С присущей ему энергией берется за дело борьбы, борьбы самой ожесточенной с расхлябанностью, с распущенностью, со всякого рода злоупотреблениями и всеми причинами царившего тогда хаоса во всей стране. То, чего его предшественники выполнить не могли, что было им не по силам, то выполняется целиком и полностью Дзержинским, несмотря на колоссальные трудности и препятствия.

Один из немногих героев революционеров конца XIX столетия оставил нас в период сложный и трудный, когда больше всего нужны нам его опыт, его работоспособность, его уменье строить социализм.

Феликс Эдмундович умер на боевом посту.

Он выступил на пленуме ЦК со страстной речью против безответственной критики, против уклонов среди некоторых членов ЦК, уклонов опасных как для партии, так и для советской власти.

Едва он пришел домой с заседания, паралич сердца прервал его красочную жизнь.

Редеют ряды старой, испытанной гвардии большевиков. На смену идет молодое поколение, но лишенное опыта, необходимой большевистской закалки.

Пусть светлая и прекрасная жизнь и смерть неутомимого борца и революционера, беззаветно храброго и преданного товарища, строителя новой жизни—Феликса Эдмундовича Дзержинского служит образцом и примером для новой смены.

Пусть молодое поколение идет по стопам лучшего солдата мировой революции.

УНШЛИХТ.

„Гроза буржуазии“.

Для буржуазии и ее прихвостней нет более ненавистного имени, чем имя Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Такова уже логика классовой борьбы.

Гомперса, который, стоя во главе профсоюзов, всю жизнь помогал буржуазии обманывать рабочих, эта буржуазия провожала в могилу с военными почестями, а семью обеспечила пенсией.

А вождей пролетариата, которые остаются верными пролетарскому делу, борются за него беспощадно, буржуазия и ее прихвостни провожают в могилу с змеиным шипением, злобой и клеветой.

Но чем более буржуазия ненавидит наших вождей — творцов диктатуры пролетариата, тем ценнее они для нас.

Феликс Эдмундович Дзержинский завоевал ненависть буржуазии своей преданностью пролетарскому делу, невиданной энергией, кристальной честностью.

Только такой человек мог возглавлять ВЧК, только такому человеку партия и советская власть могла доверить организацию и охрану власти в Республике трудящихся.

Дзержинский умел работать, умел творить, умел организовать, умел спаять, а главное — умел достичь намеченной цели. Для него не существовало препятствий и преград. Раз партия и советская власть доверили ему дело, он делал все, чтобы довести дело до конца.

После ликвидации военно-революционного комитета в Ленинграде СНК поручил тов. Дзержинскому организовать ВЧК, поставив перед ним задачу — бороться с контр-революцией, саботажем и спекуляцией. Положение было очень тяжелое. Аппарат власти не создан. Вся интеллигенция объявила саботаж пролетарской власти. Буржуазия, меньшевики, эсеры были готовы какими угодно средствами свергнуть молодую неокрепшую власть. Они не останавливались ни перед какими средствами борьбы: саботаж, пьяные погромы и бандитизм, подделка документов для дискредитации советской власти, организация банд и посылка их на помощь царским генералам Алексееву и Каледину, — все было пущено в ход для борьбы с советами.

В такой обстановке величайших трудностей, при полном безлюдии, Феликс Эдмундович организовал ВЧК. Организовал, чтобы бороться, бороться беспощадно, без минутной передышки, работая днем и ночью.

В то время школа гражданской войны еще не всех товарищей научила понимать, что буржуазия добровольно не отдаст своих политических и экономических прав, что шаг за шагом придется их отвоевывать, что революция не делается в шелковым перчатках, тем более пролетарская. Обстановка была тем более чрезвычайно неблагоприятная, что мы еще состояли в союзе с левыми эсерами. Во главе Комиссариата Юстиции стоял левый эсер, который вечно надоедал своими запросами, использовал каждую неудачу для дискредитирования ВЧК. Тем не менее тов. Дзержинский, несмотря на все трудности, создал грозное имя ВЧК, которое далеко прозвучало по всему миру. Буржуазия встречала это имя с ненавистью, а рабочие видели в лице ВЧК стойкого борца за пролетарское дело.

Через всю полосу гражданской войны ВЧК вынесло свое славное имя незапятнанным.

Мы, старые чекисты, гордимся своим учителем, он был нашим идеалом, с неисчерпаемой энергией, кристальной чистотой в личной жизни и товарищеских отношениях.

Кто не помнит Лубянку № 11, здание б. Страхового общества. В этом здании в самой скромной маленькой комнате, не больше 2 кв. саж., в первые годы революции проходила жизнь тов. Дзержинского. В этой комнате он работал, здесь он спал, здесь же принимал посетителей.

Простой американский письменный стол, старая ширма, за ширмой узкая железная кровать — вот в этой комнате проходила личная жизнь тов. Дзержинского. Домой к семье он ездил по большим праздникам.

Работал он круглые сутки, часто сам допрашивал арестованных, усталый до последней степени, тем не менее всегда оставался примером выдержанности и корректности по отношению к своим врагам.

Мне помнится случай, когда один из следователей, выведенный из терпения арестованным бандитом, ударил бандита. Дзержинский немедленно потребовал суда над следователем перед всеми сотрудниками ВЧК. Выступая на суде обвинителем, он требовал для следователя самого сурового наказания.

В обстановке полуголодной жизни для сотрудников ВЧК не мало было соблазнов. На обысках в квартирах буржуазии сотрудники каждый день находили золото, бриллианты, и тем не менее случаи присвоения были чрезвычайно редки. Это объясняется примером самого Феликса Эдмундовича. В больших охотничьих сапогах, в старой изношенной гимнастерке, он ел с того же стола, с которого ели все сотрудники, и подавал пример сотрудникам, как жить в это тяжелое время.

Только такой человек, товарищ и коммунист мог возглавлять орган борьбы, имя которого не забудут все, кому дорога советская власть.

Умер тов. Дзержинский, умер на славном посту, возглавляя другую грандиозную работу.

Он ненавидел ложь и неискренность. Он бичевал беспощадно людей, склонных к интригам и обманам.

Пусть жизнь и борьба тов. Дзержинского будут для нас уроком, как бороться и умирать за дело ленинизма.

ПЕТЕРС.

Последние часы в Доме Союзов.

Идут второй день...

Красный гроб и знакомое посеревшее лицо в центре внимания десятков тысяч. Лишь как-то теснее стало от значительно увеличившегося числа венков. Все новые отряды приходящих приносят новые слова прощания: „Руководителю промышленности — инженеры и техники СССР“; „Отдавая последний долг, — говорят Егорьевские рабочие на венке из металлических частей, — заявляем, что после твоей кончины сплотим крепче ряды ВКП(б)“; „Бесстрашному воину Дзержинскому — Глуховская фабрика“. Тульский отдел ОГПУ прислал венок, целиком сооруженный из винтовок, револьверов и скрещенных шашек — знамя неугасаемого боевого духа соратников покойного.

Мощные звуки, — гимн трудящихся, исполняемый хором и оркестром, — сразу снимают пелену скорби, зовут вперед, к борьбе.

Приходит делегация от Белоруссии, бережно возлагающая три огромных венка из колосьев ржи, белой ромашки и других цветов — от ЦИК и Совнаркома БССР, ЦК белорусской компартии и ЦК профсоюзов Белоруссии.

Четвертый час...

Скоро прекращается доступ к гробу. Твердо и уверенно чеканят звонкие женские голоса: „Прощай же, товарищ, ты честно прошел“. А потом всей мощью хора: „Не плачьте над трупами“. Еще острее впивается взгляд в лицо Дзержинского.

Последний путь.

Пусто, тихо на обычно людных и бойких площадях, прилегающих к Дому Союзов и кладбищу коммунаров у древней Кремлевской стены. Только цепи войск и живые изгороди конных милиционеров у устий улиц, выходящих на площади.

От траурного подъезда Дома Союзов на Б. Дмитровке до свеже-вырытой могилы за мавзолеем Ленина тянутся двумя рядами стальные шеренги войск, образуя широкую живую аллею — последний путь славного рыцаря революции.

Пять часов с минутами. Приближается время выноса тела Феликса Эдмундовича. В каналы улиц все сильнее, все гуще приливает человеческая волна. Безбрежное море голов.

Ровно в пять с половиною часов раздается команда: „Смирно!“ Скорбные звуки оркестра. Революционный похоронный марш доносится из вестибюля Дома Союзов. Показываются первые венки, и бесконечным красным потоком цветов и эмблем вливаются они в живые берега, четко обозначенные двумя рядами красноармейцев.

За венками — оркестр и красная крышка гроба, а затем показываются соратники умершего вождя с красным гробом на руках. Медленно подвигается процессия, замыкаемая рядами старых большевиков и почетным эскортом войск.

Красная площадь. Огромные толпы прибывают в стройном порядке со всех сторон: с Никольской, Ильинки, с Москворецкой.

Из раструбов громкоговорителей раздаются звуки похоронного марша. Это — радиостанция Коминтерна передает всему Союзу скорбный момент похорон вождя.

На трибунах мавзолея члены правительства, ЦК партии и президиума Коминтерна. Первым прощается с дорогим для всех партийцев товарищем Юзефом председатель Совнаркома А. И. Рыков:

— Мы хороним, — говорит он, — одного из лучших сынов нашего народа, одного из лучших членов революционных коммунистических партий земного шара; наш народ хоронит своего лучшего, самого близкого и интимного друга.

От имени ЦК партии, потерявшей одного из лучших своих членов, говорит Н. И. Бухарин, обрисовавший исключительную личность и роль тов. Дзержинского в три важнейшие эпохи пролетарской революции.

— Великий энтузиаст, — сказал тов. Бухарин, — сумел, как никто, претворить энтузиазм подполья в энтузиазм гражданской войны и затем — в энтузиазм мирного хозяйственного строительства. И всегда, на каждом посту, он был неизменно героем.

Тов. Томский со скорбью в голосе говорит о дорогом товарище Феликсе, который с юных лет отдавал каждое биение своего большого сердца рабочему классу, который до конца своих дней оставался карающим мечом республики и кузнецом строющегося социализма.

Тов. Квиринг от ВСНХ отмечает огромную роль тов. Дзержинского, этого недюжинного государственного деятеля в хозяйственной жизни великой страны. „В последние месяцы своей жизни тов. Дзержинский, — говорит он, — поднял и осуществлял громаднейшие вопросы: снижение цен, режим экономии, максимальное упрощение аппарата управления народным хозяйством“.

Выступивший среди других тов. Уханов обрисовал исключительную личность тов. Дзержинского, призывал московский пролетариат подражать во всем покойному вождю, итти к социализму его путями.

И Красная Москва медными глотками тысяч гудков сказала свое могучее: „исполним“. Над вековыми стенами древнего Кремля прозвучал колокольный „Интернационал“ спасских курантов. Последние минуты тов. Дзержинского на земле. Медленно пустеет трибуна на мавзолее. Гроб с телом Феликса Эдмундовича снимается с возвышения. Снова похоронный марш. И медленно, медленно печальная процессия с красным гробом скрывается за левым углом мавзолея.

Напряженная тишина. Опущенные головы. Склоненные знамена. Раскаты артиллерийского салюта... И над свежим могильным холмом огромный зелено-красный холм венков.

А из окраин, из далеких рабочих окраин движутся без конца колонны с оркестрами и траурными знаменами, освещая огнями факелов путь к дорогой, отныне исторической могиле. До поздней ночи двигались по улицам Москвы рабочие батальоны к Красной площади, чтобы сказать свое последнее „прости“ безвременно ушедшему вождю.

Над могилой.

Первым ощущением от смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского было чувство глубокого сожаления, досады, что так не во-время наступила смерть.

Сильный, с огромным запасом внутреннего огня, инициативы, неустрашимой стойкости перед препятствиями, и с каждым днем все расширяющий кругозор практической политики, — все в наличности для глубокой и всеохватывающей творческой работы, работы столь нужной, буквально необходимой народу... И вдруг смерть, бессмысленно-слепо обрывающая этот чудесный организм.

А теперь мы, его соратники по партии, по государственной работе, сотоварищи и друзья, чуть не ежедневно с ним встречавшиеся при обсуждении бесчисленных текущих дел политики и хозяйства, должны — так уже принято — подводить итоги, баланс его бурной, стремительной жизни, которая полностью растворилась в борьбе российского пролетариата.

Феликс Эдмундович, глубоко ненавидимый мировой буржуазией, капиталом, был в полном смысле любимцем пролетариата, и пролетарская любовь к Дзержинскому с каждым годом все больше и больше проникала в крестьянскую толщу. Мне бы хотелось, чтобы крестьянские многомиллионные массы также полно поняли, кого мы в лице Дзержинского потеряли, как это понимает пролетариат.

Тов. Дзержинский был горячим поборником укрепления союза рабочих и крестьян. Вся его кипучая работа по ВСНХ была окрашена необходимостью быстрейшего удовлетворения нужд крестьянства, чтобы на почве этого удовлетворения спаять крепчайшими узами рабочих и крестьян и этой объединенной армией завоевать коммунизм.

Спи, наш дорогой друг! Ты честно прошел свой короткий, но тернистый путь. Чем больше растущая молодежь будет знакомиться с твоей пройденной жизнью, тем горячее будет хранить память о тебе.

М. КАЛИНИН.

Прощальные речи.

Речь А. И. Рыкова.

— Товарищи! Сегодня мы хороним тов. Дзержинского. В народе его знают под этим именем. В кругах партии и советских работников его звали тов. Юзефом, тов. Феликсом.

Ему исполнилось всего 49 лет. Немного даже в нашей большевистской ленинской партии можно найти таких людей, которые за эти годы проделали бы такую гигантскую революционную работу, с таким напряжением сил и нервов, как тов. Дзержинский. Правительство в его лице теряет крупнейшего государственного деятеля с исключительным размахом и выдающейся инициативой. В области государственной работы тов. Дзержинский всегда стоял на том посту, который был одним из труднейших, одним из опаснейших. Во время Октября тов. Дзержинский — один из героев вооруженного восстания, передавшего власть пролетариату. После Октября он — на страже завоеваний Октябрьской революции. В период гражданской войны тов. Дзержинский — на важнейшем посту по организации борьбы с белогвардейцами, с теми, кто пытался уничтожить завоевания Октября. Наступает мирная эпоха, эпоха практического строительства социализма, и тов. Дзержинский весь свой энтузиазм, всю свою волю нанаправляет на хозяйственный фронт: он был сначала наркомом путей сообщения, а затем председателем Высшего Совета Народного Хозяйства.

Товарищи! Ценность Юзефа, Феликса Дзержинского заключалась не только в том, какие посты он занимал, не только в том, с каким огромным успехом он работал. Ценность тов. Дзержинского — и это одна из характернейших черт этого исключительного человека — заключается в том, что он горел непрестанным ярким огнем любви к народу, любви к рабочим и ненависти ко всякой несправедливости, какая есть на земле. Ценность т. Дзержинского заключается и в том, что из подполья, нелегальной партии — через ссылку, тюрьму и каторгу — он принес на высшие государственные посты одного из величайших в мире государств совершенно незатронутой свою чистую душу и свой невиданный аскетизм личной жизни. Тов. Дзержинский уже на посту виднейшего государственного деятеля Советского Союза в личной жизни соблюдал такую же простоту, такую же суровость, какую он соблюдал в подполье, на нелегальной работе.

Товарищи! Мы сегодня хороним одного из лучших сынов нашего народа, одного из лучших членов революционных коммунистических партий всего земного шара. Народ хоронит своего лучшего, близкого, интимного друга. Страна хоронит исключительной силы государственного деятеля и революционного борца.

Тов Феликс умер! Едва ли можно найти более подходящего человека для того, чтобы на примере его жизни, его борьбы, его любви к народу, его революционной деятельности, простоты его жизни и громадности задач, которые брал на себя этот человек, — воспитывать новые и новые поколения.

Тов. Феликс умер! Но он — участник Октября — вместе с Октябрьской революцией зажег пожар творчества в нашем Союзе. Он был лучшим учеником тов. Ленина, на примере его жизни и его работы должны учиться новые поколения, чтобы возместить потери, которые страна, рабочий класс и партия несут со смертью таких людей, каким был тов. Феликс.

Речь тов. Бухарина.

— ЦК партии поручил мне передать последнее прости покойному Феликсу Дзержинскому. С именем Дзержинского связаны три огромных периода жизни нашего рабочего класса и нашей партии. Первый период — подпольная революционная борьба, второй период — гражданская борьба и третий период, который только начинает развиваться, — период широкого творчества в области восстановления и организации социалистического хозяйства.

На всех этих трех ступенях жизни рабочего класса тов. Дзержинский всегда стоял в самом первом и опасном ряду. И всегда был первым героем борьбы. В период подполья, когда нужно было проходить сквозь строй шпицрутенов царизма, когда нужно было через тюрьмы, ссылки и каторгу вести революционную борьбу и не порывать связей с рабочим классом, тов. Дзержинский всегда был в первых рядах подпольных революционных работников. Он был одним из тех, которых не смущали трудности и опасности борьбы. Он был одним из тех, которые силой своей воли к победе пролетариата преодолевали все трудности, стоявшие на их пути.

В период гражданской борьбы тов. Дзержинский, герой подполья, становится героем победоносной гражданской войны. Здесь он снова занимает наиболее ответственные и опасные посты. За этот период с именем тов. Дзержинского будет связано много легенд. Это имя поглощает весь порыв, весь энтузиазм революционной борьбы рабочего класса. Тов. Дзержинский твердо держит в своих руках красное знамя революции и становится грозой всех заговорщиков и контр-революционеров, пытавшихся свергнуть завоевания революции. Тов. Дзержинский — герой гражданской войны.

Началась эпоха мирного строительства. Тов. Дзержинский и здесь остается тем же героем-борцом революции. Всю свою силу воли, весь свой революционный энтузиазм, священную веру в победу он переносит на этот фронт. У тов. Дзержинского надо учиться, как мы должны работать на хозяйственном фронте. Он никогда не хныкал, не жаловался на неудачи, он продолжал гореть неугасаемым пламенем революционного бойца и на этом скучном для многих хозяйственном фронте. Герой подполья, ставший героем гражданской войны, он становится в первых рядах героев социалистического строительства. На хозяйственном фронте он делал все то, что должен был делать настоящий революционер.

В лице Ф. Э. Дзержинского мы потеряли одного из лучших вождей рабочего класса. Неподкупного, смелого, честного рыцаря нашего рабочего движения. Мы потеряли товарища, который всегда стоял на страже единства нашей партии. Тов. Дзержинский всегда говорил, что единство партии — необходимая предпосылка сохранения и укрепления диктатуры нашего класса в нашей стране. Мы должны перед открытым гробом тов. Дзержинского дать клятву итти под красным стягом, который твердо держал в своих руках всюду и везде тов. Дзержинский. Каждый из нас должен брать пример с тов. Дзержинского.

Дзержинский умер, жива партия, жива революция, жив наш пролетариат. Да здравствует, да живет рабочий класс и да живет наша партия, первым солдатом которой был тов. Дзержинский!

Речь тов. Ворошилова.

От имени Красной армии слово предоставляется народному комиссару по военным делам т. Ворошилову.

— Товарищи, вооруженные силы советских республик с величайшей скорбью провожают своего первого, верного, стойкого соратника, бойца, организатора и руководителя — т. Феликса Эдмундовича Дзержинского.

На протяжении всей своей, к несчастью, недолгой жизни тов. Дзержинский был лучшим представителем пролетариата, борцом за коммунизм, 30 лет из 49 отдавший на служение делу революции. Феликс Дзержинский, испытанный борец, закаленный в боях с самодержавием, с момента победы Октября становится во главе Чрезвычайной Комиссии, которая должна была на первых порах отразить бешеный натиск буржуазии на молодую республику. Товарищ Дзержинский на протяжении всей гражданской войны сочетает свою огромную революционную работу с деятельностью и борьбой красных вооруженных сил — Красной гвардии вначале, а затем Красной армии. Тов. Дзержинский находит время и возможность для того, чтобы лично появляться на наиболее опасных участках фронта с целью обеспечить победу войскам борющегося пролетариата и крестьянства.

Начальник тыла Украинского фронта, он проделывает весной 1920 года колоссальную работу, которая способствует ликвидации бандитизма и полчищ южной контрреволюции. Тов. Дзержинский, являясь затем членом Революционного Военного Совета Западного фронта, вдохновляет, руководит нашими войсками, борющимися против армии Пилсудского, против враждебных нашему Союзу сил западной контр-революции. Тов. Дзержинский, перейдя на мирную работу, неуклонно заботится о Красной армии, неустанно интересуется вопросами обороны нашего государства. Тов. Дзержинский, поглощенный своей основной работой по строительству советского хозяйства, отдает свои минуты отдыха для того, чтобы поднять нашу военную промышленность, чтобы обеспечить наши вооруженные силы всем необходимым. Тов. Дзержинский был не только великим организатором, не только талантливым строителем социализма, он был недреманым оком нашей партии и рабочего класса, которое смотрело во все стороны, которое зорко наблюдало за тем, чтобы наш Союз Советских Республик не был застигнут врасплох. Он без устали следил за тем, чтобы наше государство не было подвергнуто нападению как извне, так и изнутри.

Перед самой своей смертью т. Дзержинский вплотную занялся вопросами обороны нашего государства, ибо, по его мнению, мы вступаем в такой период нашей истории, когда опасности новых попыток интервенции снова нави-

Правительство на трибуне мавзолея произносит речи.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

сают над нашим Союзом. Феликс Эдмундович перед самой своей смертью об этом говорил определенно и четко.

Товарищи, расставаясь с лучшим, верным, доблестным бойцом — тов. Дзержинским, мы должны будем сказать перед открытой его могилой, что вооруженные силы рабочего класса и крестьянства будут зорко следить за крепостью, за прочностью наших границ, что красные войска нашего государства будут попрежнему стойко пребывать на страже того великого дела, для которого и за которое отдал свою жизнь дорогой товарищ Феликс Эдмундович.

Товарищи, Красная армия и Красный флот склоняют свои боевые знамена перед раскрытым гробом своего дорогого незабвенного борца Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Речь тов. Ремелле.

От имени Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала произносит слово на немецком языке тов. Ремелле.

— Имя т. Дзержинского, — сказал в своей речи тов. Ремелле, — дорого не только русскому пролетариату, это имя дорого всему международному рабочему классу, и оно будет вписано в историю мировой революции.

Речь тов. Томского.

От имени Всесоюзного совета профессиональных союзов и Совета московских союзов прощальное слово произносит тов. М. П. Томский:

— Товарищи, в лице товарища Феликса Дзержинского рабочий класс СССР понес тяжелую потерю. Покойный Феликс Дзержинский принадлежал к разряду тех людей, которые с юных лет отдавали всю свою жизнь, каждое биение сердца на дело освобождения рабочего класса. С молодых лет связывали они свою жизнь с интересами великой борьбы рабочего класса. Феликс Дзержинский является образцом неутомимого борца за классовые идеалы пролетариев. Он умер тогда, когда занимал два ответственнейших поста в республике, выполняя на первый взгляд разнородные, на самом деле единые роли в республике Советов. Он выполнял обязанность меча республики, защиты ее от внешних и внутренних классовых врагов пролетариата. Он выполнял роль кузнеца, строителя нового социалистического хозяйства. Строгий к себе и требовательный, искренний и прямой, т. Дзержинский был первым на каждом посту, который поручался ему рабочим классом и советским государством.

В лице тов. Дзержинского мы потеряли лучшего бойца, лучшего солдата революции, мы потеряли лучшего строителя нашего социалистического хозяйства. Его последними заботами были задачи по укреплению союза рабочего класса и крестьянства, задачи восстановления нашего хозяйства, как залог улучшения экономического положения широких рабочих масс.

Его последней думой была забота о крепости, незыблемости диктатуры пролетариата и нашей партии. И опуская в могилу тело славного рыцаря революции, мы можем сказать, и я думаю, что это будет верным выражением дум рабочего класса: мы дело союза рабочих и крестьян будем крепить попрежнему, мы сделаем этот союз неразрывным. Мы дело социалистического строительства, несмотря на трудности, доведем до конца. Мы дело укрепления диктатуры пролетариата, дело борьбы за мировую революцию пролетариата доведем до конца. И в этой борьбе, в этой работе образ Феликса, его жизнь, его работа послужат нам примером.

Речь тов. Трилиссера.

От имени объединенного Государственного Политического Управления выступил тов. Трилиссер.

— Товарищи, к тому, что уже сказано о незабвенном нашем товарище Феликсе, трудно что-либо прибавить. Величие тов. Дзержинского именно в том, что он был и остался партийцем до мозга костей. Не было у него иных дел, не было у него иных радостей и горя, кроме тех, которые связаны были с деятельностью нашей славной большевистской партии. В лице Феликса мы хороним старого большевика, славного ученика великого учителя нашего Ленина. Товарищ Феликс к чему бы он ни подходил в своей многообразной долгой революционной деятельности, в каждый шаг этой деятельности вносил великие задачи, которые стояли и стоят перед нашей партией. И именно поэтому, на какой бы пост тов. Феликс ни был поставлен партией, он поднимал деятельность тех учреждений, которыми он руководил, на ту высоту, которая отвечала великим задачам партии и пролетариата. Правильно здесь сказал представитель Исполкома Коминтерна, что имя дорогого нашего Феликса принадлежит не только русскому пролетариату. Оно дорого всему революционному международному рабочему классу имя его войдет золотыми буквами в великую историю мировой социалистической революции. И образец, который он собой являет, это — образец не только для нашего русского пролетариата, но и для пролетариев всех стран.

Перед прахом незабвенного нашего друга и товарища от имени сотрудников ОГПУ клянусь, что огненное знамя, под которым жил и боролся ты, дорогой наш вождь, друг и товарищ, что это знамя мы удержим на той высоте, на которую ты поднял его своей величайшей преданностью мировой социалистической революции. И мы клянемся, что твои заветы о беспощадности борьбы со всеми еще многочисленными врагами нашего Октября и нашей партии мы выполним и твердой рукой доведем до конца.

Ф. Дзержинскому.

Отгремели последние салюты над гробом Дзержинского. Закончилась жизнь, насыщенная героическим действием. Великолепная, беспримерная жизнь эта оборвалась на ходу — без увядания старости, без долгих и мучительных болезней, предшествующих смерти. В действии и до конца, до последней частицы, израсходовал Дзержинский гигантский заряд энергии, вложенный в него природой. Воля составляла существо этого человека, — не холодная воля, а огненная, всегда прорывавшаяся толчками страсти.

Помимо исключительных даров природы, нужны были не менее исключительные исторические условия — гнет царизма, традиции революционной Польши, пример Народной Воли, борьба молодого пролетариата Варшавы и Петербурга, теория марксизма, ленинское руководство, чтобы сковать и закалить эту фигуру бесстрашного и, когда нужно, беспощадного революционера, в душе которого были непочатые источники мягкости и почти детской наивности.

Двадцать пять лет назад Дзержинский отправлялся в свою первую ссылку. Весной, когда по Лене прошли льды, Дзержинский, перед посадкой на паузок в Качуге, вечером у костра читал на память свою поэму на польском языке. Большинство слушателей не понимало поэмы. Но насквозь понятно было в свете костра одухотворенное лицо юноши, в котором не было ничего расплывчатого, незавершенного, бесформенного. Человек из одного куска, одухотворенный одной идеей, одной страстью, одной целью, — таким он прошел через всю свою жизнь борца, революционера, коммуниста.

О заслугах его, о его несокрушимой вере в пролетариат и столь же несокрушимой верности пролетариату, обо всем совершенном им будут написаны книги и книги. Не было почти поприща, на котором он не работал бы, и в то же время он работал всегда на одном и том же поприще: в передних рядах своей партии и своего класса, прокладывая дорогу будущему, сперва разрушая старое общество, а затем закладывая фундамент нового.

Героическое начало пролетарской борьбы нашло в образе Дзержинского неповторимое воплощение. Из игры его глаз, из звуков голоса, из черт лица, из движений мышц всегда излучалась воля, подталкиваемая постоянными вспышками страсти. Законченность его внешнего облика вызывала мысль о скульптуре, о бронзе. Светловолосый юноша, читавший у сибирского костра свою героическую поэму, давно превратился в мужа. Но из-под мужественных черт солдата, стража и каменщика революции просвечивал образ юноши, который не сдается времени, а покоряет его, как сырую материю, чтобы строить новую человеческую жизнь.

Бледное лицо его в гробу под светом рефлекторов было прекрасно своей скульптурной законченностью. Горячая бронза стала холодным мрамором. Глядя на этот открытый лоб, на опущенные веки, на тонкий нос, очерченный резцом, думалось: вот застывший образ мужества и верности. И чувство скорби переливалось в чувство гордости: таких людей создает и воспитывает только пролетарская революция.

Слово смерть не вяжется с этим исключительным концом — в борьбе, на ходу, после пламенной речи. Дзержинский не умер, а сменился. И провожаемый завистливой ненавистью врагов и еще более пламенной любовью миллионов, он, сойдя с поста, вошел навсегда в историю.

Имя его было—Феликс, а Феликс по-латински значит счастливый. И впрямь счастьем была его жизнь, — счастьем для класса, которому он служил, для партии, к которой принадлежал, счастьем для него самого. Если бы ему была предложена на выбор вторая жизнь, он, несомненно, выбрал бы ту же самую, — с ее революционным идеализмом, с тюрьмами, ссылками, каторгой, с беспощадными ударами по врагу, с первыми радостями социалистического строительства.

Но второй жизни никто ему дать не может. Будем же в нашей скорби утешать себя тем, что Дзержинский жил однажды.

Л. ТРОЦКИЙ.

Траурное заседание пленума Моссовета.

Речь тов. А. И. Рыкова.

— Товарищи! За последнее время это уже не первое траурное заседание. Ряды старшего поколения редеют быстро. Но исключительно велика та утрата, которую понесли страна и партия со смертью тов. Феликса Дзержинского. Несомненно, что после смерти Ленина не осталось среди товарищей таких людей, которых нельзя было бы заменить, но вместе с тем, несомненно и то, что смерть тов. Дзержинского представляет очень большую брешь и в руководстве государственной жизнью,—брешь, которую трудно заполнить.

Товарищ Дзержинский и партия.

В середине 90-х годов т. Дзержинский, которому в момент смерти было всего 49 лет, уже занимался изучением марксизма и рвался к революционной работе. С 16—17-летнего возраста тов. Дзержинский уже участник революционного социалистического движения. С 28 лет тов. Дзержинский, зарекомендовавший себя, как активнейший работник социал-демократии Польши и Литвы, избирается членом ЦК этой партии. Умер он членом Центрального Комитета ВКП.

Между этими датами – вступлением тов. Дзержинского в революционное движение и его смертью—лежит вся история нашей партии, лежит вся история нашего рабочего революционного движения. Между этими датами для тов. Дзержинского лежат ссылка, тюрьма, побег, каторга, восстание, нелегальная работа, новый побег и т д. Вся жизнь тов. Дзержинского с 16 лет до 49 была революционной борьбой. Тов. Дзержинский так рано вошел в партию, так долго жил вместе с ней, так много страдал ради нее, ради рабочего класса, так много одержал невиданных мировых побед вместе с партией, что ни он сам, никто из нас не мог мыслить хотя бы одно действие или одну думу тов. Дзержинского, которые не были бы связаны с жизнью партии, с ее борьбой.

Тов. Дзержинский и Советы.

В начале Октября тов. Дзержинский был членом Военно-Революционного Комитета в Ленинграде, руководившего вооруженной борьбой во время Октябрьского восстания.

После этого тов. Дзержинский был председателем ВЧК, народным комиссаром внутренних дел, народным комиссаром путей сообщения, председателем Высшего Совета Народного Хозяйства.

Каждый из вас знает о том, как работал Феликс, каждый из вас знает, что он сделал для нашей страны, но едва ли все присутствующие знакомы с тем, сколько своего совершенно индивидуального, своеобразного, совершенно личного вносил тов. Дзержинский в советскую работу. Я сказал личного — это ошибка! Лично сам для себя тов. Дзержинский никогда не жил. Я употребил это слово, чтобы подчеркнуть то исключительно редкое сочетание воли, энтузиазма, напряжения энергии, трудоспособности, организаторского таланта, которые тов. Дзержинский вносил во всякое дело, в том числе и в советскую работу. Это была совершенно своеобразная личность. Когда хотят дать представление о цельности, исключительно счастливом подборе выдающихся качеств в той или другой личности, иногда говорят, что эта личность выточена из одного куска.

К тов. Дзержинскому, как деятелю партии и деятелю Советов, государственному работнику, эта характеристика применима в превосходной степени. С самого начала своей сознательной жизни и до последней ее минуты тов. Дзержинский был проникнут невиданной верой в полную победу коммунизма, невиданной верой в творчество народных масс, был проникнут страшным нечеловеческим волевым напряжением, я бы сказал, волевым инстинктом, устремленным на то, чтобы не потерять ни одной секунды своей жизни, дабы как можно скорее привести рабочий класс к окончательной победе и на месте старого общества угнетателей и угнетенных построить новое, единственно-достойное человека коммунистическое общество.

После смерти тов. Ленина нет незаменимых людей. Но такого редкостного сочетания личных качеств человека с качествами общественного деятеля, как у тов. Феликса, мы едва ли еще найдем в настоящее время. Тов. Дзержинский был исключительно редким, исключительно ярким проявлением всей творческой мощи нашей партии и нашего рабочего класса.

Про тов. Дзержинского сложилось много легенд, особенно за границей. Независимо от содержания этих легенд, мне кажется, что тов. Дзержинский принадлежал к числу тех людей, которых не забудем не только мы, его друзья, его сотрудники, его современники, но не забудет и история. Французская революция оставила в наследство большое количество имен, которые последующие поколения повторяли из уст в уста, как образцы революционной отваги, революционной деятельности, революционного творчества. Личный друг Ленина и Розы Люксембург, тов. Дзержинский войдет в историю нашей партии и нашей революции как одна из наиболее гигантских, наиболее цельных, монолитных фигур, которую могли создать только коммунистическая рабочая партия

и Октябрьская революция. Тов. Дзержинский своей биографией и своим исключительной силы характером войдет в историю как образец того, чем должны быть революционеры-борцы, революционеры-строители нового общества. Со смертью Феликса образовалась очень большая брешь и в руководстве партией и в руководстве государством. Я помню, как после смерти тов. Свердлова тов. Ленин призывал к тому, чтобы быстрее перестроить ряды и деятельность одного человека заменить коллективной работой нескольких лиц. Я думаю, что нет иного пути и в настоящий момент, когда мы стоим перед могилой Феликса. Едва ли мы найдем в своей среде одного человека, который мог бы заменить тов. Феликса во всей той работе, которую он исполнял. То, что говорил В. И. после смерти Свердлова, необходимо полностью и целиком повторить и в связи со смертью тов. Дзержинского.

Тов. Дзержинский был органической частью партии, каждый свой шаг, каждую свою мысль, каждое свое действие он оценивал с точки зрения партии и интересов рабочего класса. Для тов. Дзержинского не было вопроса о партийной дисциплине: я помню, как однажды во время спора по крупному вопросу кто-то сказал: „А что, если кто-либо из видных членов партии откажется проводить в жизнь решение партии?“. Я помню, как после этого вопроса Феликс стал неузнаваем, как он вскочил с места и не сказал, а закричал: „Это будет измена, это будет Кронштадт внутри партии!“.

Он не мыслил того, что можно, состоя в партии, нарушить партийную дисциплину. Жизнь партии была для тов. Дзержинского тем, к чему он относился с наибольшей чуткостью, с особой остротой, с требованием наибольшего напряжения сил для укрепления единства партии, ее монолитности. Это главный завет, который оставил нам тов. Дзержинский.

Заканчивая свою речь, я выражаю уверенность, что те новые силы, которые вызваны к жизни Октябрьской революцией, те новые силы, которые рабочий класс и партия с каждым месяцем, с каждым годом все в большем и большем количестве будут выдвигать на смену сходящему поколению, — эти новые силы, несомненно, смогут заменить Феликса в области положительной работы. Пусть они, эти новые силы, принесут ту преданность революции, которою горел тов. Дзержинский всю жизнь, и своей работой обеспечат единство партии, единство рабочего движения с такой же силой, как это стремился сделать тов. Феликс. (Аплодисменты, „Интернационал“).

Речь тов. Н. И. Бухарина.

От Центрального Комитета ВКП (б) выступил тов. Бухарин.

— Товарищи, наша партия потеряла в тов. Дзержинском одного из своих самых верных и героических руководителей, а мы все, которые бок о бок в течение многих и многих лет стояли с тов. Дзержинским, потеряли в нем одного из самых лучших и самых верных своих друзей и товарищей. С именем тов. Дзержинского будет связана прежде и раньше всего та поистине великая героическая полоса, когда наш рабочий класс, шел к власти и когда наш рабочий класс, под обстрелом решительно со всех сторон, отбивал эту власть от жестоких нападений бесконечных врагов. Герой Октябрьского восстания, с многолетней каторгой за спиной, с кандальным звоном в своем прошлом, тов. Дзержинский после Октябрьской победы стал на одно из самых трудных мест. Он оказался разящим мечом рабочей диктатуры. Он стал во главе „Чрезвычайной Комиссии“. Мы, товарищи, теперь уже много лет прожили с тех пор, когда рабочему классу нашей страны нужно было со стальным мечом в руке отстаивать свое право на существование, свое право, как право господствующего класса. И многое уже успело изгладиться из нашей памяти, и многое уже успело исчезнуть. Новое поколение растет, растет новая молодежь и в городе и в деревне, новые рабочие тянутся в город, и по-новому сейчас поют фабричные трубы. И вот теперь, когда мы уже опустили в могилу Феликса Эдмундовича Дзержинского, перед нашими глазами вновь и вновь проходят картины еще недавнего великого прошлого нашей борьбы.

Пролетарский якобинец.

— Вспомните, товарищи, что было тогда, когда мы только-что пришли к власти. Старый аппарат государственной власти отказывался работать. Почти вся интеллигенция — служащие, учителя, техники, инженеры, государственные чиновники — отказывались работать, и волна саботажа прошла по всей стране. Нас — молодой класс — нашу партию, авангард этого класса, хотели оставить без рук и без ног. Громаднейший миллионный напор со стороны рабочего класса свергнул старую власть. Но у нас не было еще ни одного маленького рычажка власти, нам надо было строить все сызнова и сызнова налаживать это дело.

Одной из первых задач, с которой надо было справиться, была борьба с саботажем. И эта борьба была победоносной.

Вы помните, что Чрезвычайная Комиссия называлась тогда Чрезвычайной Комиссией „по борьбе с контр-революцией, саботажем и спекуляцией“. Эти три задачи были поистине чудовищными и поистине гигантски-трудными.

Я помню, как рассказывали о факте назначения тов. Дзержинского на этот пост. Совершенно было ясно всем

в Совнаркоме, который был тогда в Петрограде, что требуется такое учреждение. Но не находили сразу человека, который должен был стоять во главе этого учреждения. Тов. Ленин говорил тогда, что надо найти такого товарища, который имел бы в себе нечто якобинское. Вы знаете, что якобинцы — это были революционеры эпохи французской революции, которые с мечем в руках, путем беспощадного террора отражали контрреволюционных врагов. И так только было произнесено это слово — „якобинец", сразу было названо имя Феликса Эдмундовича Дзержинского. Он был настоящий пролетарский якобинец, он был сух и строен как стрела, и эта стрела метко разила противников рабочей революции.

Потом пошла громадная полоса заговоров, восстаний, интервенции, нападений, когда решительно все силы старого мира, извне и снаружи, из-за границы и из глубины страны, по разработанному плану шли на нас саранчей и хотели ликвидировать нашу власть, хотели ниспровергнуть господство рабочего класса, хотели вернуть старый режим. И тут тов. Дзержинский сыграл роль поистине неоценимую. Эта полоса его жизни сделала его настоящим героем рабочей революции, и эта полоса его жизни, в первую очередь, создаст вокруг его имени — и уже создает — славную и героическую легенду.

Все силы старого мира пошли против нас, и одно дело за другим надо было раскрывать, одно за другим дело надо было вытаскивать на свет божий, одну за другой атаку надо было отражать бесстрашной и решительной рукой.

Офицерский союз и его раскрытие и его ликвидация; разоружение анархистов, под флагом которых, как теперь совершенно ясно видно из целого ряда белых документов, были организованы белые офицеры; дело английских шпионов во главе с Локкартом, который, на основе связи с иностранными посольствами, готовил против нас вооруженное нападение; дело „союза защитников родины и свободы", под вывеской которого скрывался белогвардейский союз во главе с Савинковым, поднявшим в связи с чехо-словацким бунтом, известное ярославское восстание; затем левоэсэровский мятеж; затем покушение на тов. Ленина, убийство тов. Урицкого; убийство тов. Володарского; и целый ряд других дел, — все это прошло через руки тов. Дзержинского. А огромное дело Национального центра в Москве и отчасти в Ленинграде? Тогда наша власть висела, в буквальном смысле слова, на волоске; тогда мы были со всех сторон окружены белыми армиями, уже подступавшими к основным пунктам нашего господства; тогда Деникин был уже близко к Москве, тогда Юденич стоял под стенами Ленинграда; тогда бомбы контрреволюционеров и эсэров взрывали в Леонтьевском переулке Московский Комитет нашей партии; тогда здесь, в Москве, уже стояли наготове белые части; тогда ряд наших военных школ был заполнен белыми офицерами, а во главе двух квалифицированных военных школ стояло два замаскированных якобы коммуниста, которые на самом деле были членами союза русского народа и главарями заговора. Здесь, в Москве, были уже заготовлены и отпечатаны приказы по белым войскам Московского военного округа.

А в самую последнюю минуту Чека накрыла заговорщиков вместе с приказами и уничтожила их.

Вот каково было дело „национального центра", когда уже были заготовлены министры, генералы, военные власти и был заготовлен приказ о том, чтобы расстреливать всех коммунистов и сочувствующих им, „как бешеных собак"; когда уже вражеские войска подступали как к Питеру, так и к Москве. И тогда наша ЧК, во главе с тов. Дзержинским, захватила всех с поличным. Пришлось решительным образом уничтожать начисто всех, и этой суровой расправой, которая была необходима, мы разгромили и уничтожили основные кадровые силы врага.

А потом пошло дело „Тактического Центра" — военной организации, которая точно так же уже заготовила себе министров. Затем заговор в Ленинграде, во главе которого стояли два адмирала нашего флота. Затем измена на Красной Горке, потом Кронштадт, затем антоновское дело, — тамбовское восстание, затем заговор Савинкова и целый ряд многих других крупнейших дел, крупнейших попыток со стороны контрреволюции подорвать нашу власть, разбить господство рабочего класса и вернуть назад старые порядки.

Это все теперь, быть может, звучит, как какой-то странный каталог фактов из жизни какой-то другой страны. Но это есть краткий перечень самых главных дел, которые были раскрыты нашей ЧК, — ЧК, являющейся в руках победоносного рабочего класса одним из самых острых орудий борьбы против контрреволюции. Враги были раскрыты. Враги были отражены. Враги пали под ударами нашего меча.

Когда теперь вспоминаешь о наших делах, вспоминаешь эту героическую, великую, несравнимую эпоху, когда нам, окруженным со всех сторон, приходилось отбиваться, когда рабочий класс ничего не имел, кроме гнилой картошки, когда работницы не ели ничего другого, кроме отвратительной баланды, когда массам рабочего класса не было во что одеться, когда враги напирали со всех сторон, день и ночь, в труднейших условиях, стоял тов. Дзержинский на передовом посту, день и ночь можно было его застать в этой Чека. Он редко когда ночевал тогда дома, беспрерывно, ежечасно, ежеминутно он делал свою работу.

Товарищи, редко кто способен был так работать, ибо у каждого человека есть нервы, и каждый живой человек может выполнить такой работы только определенное количество.

Мы теперь уже вступили в другую полосу, теперь у нас другие задачи. Но, товарищи, когда мы вспоминаем прошлое, не забудем, сколько безыменных героев нашей Чека погибло в боях с врагом. Не забудем, сколько из тех, кто остался в живых, представляют со-

бой развалину, с расстроенными нервами, а иногда и совсем больных. Ибо работа была настолько мучительна, она требовала такого гигантского напряжения, она была такой адской работой, что требовала поистине железного характера. И тов. Дзержинский эту работу вел от начала до самого конца. Он провел свое учреждение — Чека, а затем ГПУ — сквозь строй действительно жестоких испытаний, и нужно сказать, что бывало время, когда это учреждение являлось по своему аппарату, по своей работе одним из самых образцовых. А если вы спросите работников этого учреждения, сколько вложил в это дело сам тов. Дзержинский, то каждый из этих стальных людей скажет вам, что очень много значения имел его личный авторитет, его неустанная работа, его безумная храбрость, его личное презрение к смерти, его постоянный ни на минуту не прекращающийся труд.

Дзержинский на фронте транспорта.

Теперь мы совсем позабыли о тех временах, когда стояли наши железные дороги, когда достаточно было пройти большому снегу, чтобы останавливались наши поезда. Мы теперь уже позабыли о тех временах, когда населению, скажем, Москвы сообщалось о движении какого-нибудь одного, единственного, захудалого маршрутного поезда с несколькими вагонам хлеба, шедшего черепашьим шагом через какую-нибудь степь, и когда тов. Ленину приходилось сидеть у телефона и через диспетчерскую службу получать сообщения о том, на какой станции застрял этот поезд и куда пошли пассажиры, чтобы нарубить дров для того, чтобы поезд сдвинулся с места. Мы теперь позабыли все это, а эти времена были, и всего несколько лет прошло с тех пор, как были эти времена.

И вот, когда, товарищи, становилось особенно трудно, тогда посылался т. Дзержинский. Когда одолевали мешочники и нужно было предпринять решительные меры — посылался тов. Дзержинский.

Когда нужно было очищать наш путь от снега,— посылался тов. Дзержинский.

Когда разваливался наш транспорт, от которого зависело все, — посылался тов. Дзержинский.

Мы помним тяжелое положение с транспортом, то время, когда наклеивались на заборах воззвания о транспорте, когда мы кричали всюду о транспорте, — тогда посылался в первую шеренгу борцов тов. Дзержинский. На самую тяжелую, самую ответственную работу, которая требовала величайшего, сверхчеловеческого напряжения, — шел тов. Дзержинский.

Товарищи, теперь у нас новое время, у нас теперь другая обстановка теперь нам гораздо легче живется, чем было прежде. Вспомните, товарищи, снова то время, когда рабочий класс настолько обессилел, что нужно было ему как-нибудь продержаться, когда мы должны были запускать свои руки в сундуки купчих или даже мещан, чтобы достать лишние штаны, или шубу, или пальто и поделить среди рабочего класса, когда нужно было ловить каждую запрятанную золотую монету, потому что мы настолько были нищи, настолько голодны потому что рабочий класс так подорван был в своих силах, что нужно было все собрать под метелку, чтобы продержаться. Это было время жестокой борьбы со спекуляцией, это была чрезвычайно тяжелая борьба. И она целиком лежала на плечах т. Дзержинского.

Но вот мы окончили гражданскую войну, окончили ее победоносно, разбили нашего противника, подавили заговоры внутри, бандитизм был ликвидирован. Это было тоже одной из величайших заслуг тов. Дзержинского. Шпионские организации иностранных государств были перестреляны — это тоже было одной из больших заслуг тов. Дзержинского.

Наши фронты упорядочены — это тоже было одной из громаднейших заслуг тов. Дзержинского.

Армия наша победила и началась строительная работа, начались „новые песни“, и тов. Дзержинский принимал на себя и здесь самые трудные и самые тяжелые задачи. Всякому из нас по работе среди рабочего класса отлично известно, что гораздо лучше говорить приятные вещи, чем неприятные, чрезвычайно хорошо и приятно притти к рабочим и сказать: вот мы можем повысить заработную плату. Это очень легко и очень приятно. Чрезвычайно приятно и чрезвычайно легко работать тогда, когда все быстро идет вверх, когда кошелек государства быстро наполняется, когда есть из чего платить и т. д. Тогда легко работать, и очень многие такую работу могут без труда выполнить. Другое дело, когда положение тяжело. Такая работа требует величайшего напряжения сил; тогда нужно личным примером показывать то, что ты требуешь с других. Борись в первую очередь сам, это будет потруднее. И тов. Дзержинский никогда не отступал перед тем, чтобы вынести на своих плечах самые трудные задачи. Будучи поставлен начальником нашего транспорта, он провел огромную работу по реорганизации нашего железнодорожного хозяйства. Он чрезвычайно много сделал, чтобы поднять это транспортное хозяйство. Но он провел здесь одну кампанию, о которой теперь тоже мы, пожалуй, позабыли, — это была кампания по борьбе со взяточничеством и хищениями. Взяточничество было, как зараза, как эпидемия. Вы помните, что нельзя было послать ни одного вагона, если не дашь взятку; иначе он мог очутиться там, где ему вовсе не полагалось быть. Вы помните, какая огромная деморализация царила на железных дорогах. Тов. Дзержинский **провел** эту кампанию по борьбе со взяточничеством и хищением, при чем провел ее, — и это было огромной победой, — опираясь на здоровую часть жел.-дорожного рабочего класса, вместе с массами, при их помощи, опираясь на них. С огромным мучением, с огромным трудом он провел это дело.

Дзержинский у руля промышленности.

А потом, когда пришлось ему стать во главе нашей промышленности, не одну кампанию провел тов. Дзержинский, не одну кампанию из тех, которые подняли нашу промышленность и дали ей резкий скачок вверх. Все мы отлично знаем, что именно за то время, когда покойный Феликс Эдмундович стоял у руля нашей промышленности, она сделала особенно крупный скачок вперед. И эти кампании тов. Дзержинский проводил в связи с массой и опираясь на массу. Уже довольно много времени назад была проведена кампания **по производительности труда**. За последнее время тов. Дзержинский вел с все возрастающей энергией и силой кампанию **по снижению розничных цен** и по борьбе **со спекуляцией**. Всем известен его нашумевший приказ о розничных ценах в связи с борьбой со спекуляцией. Он проводил кампанию **по режиму экоиомии**, и я должен сказать, что Феликс Эдмундович был чрезвычайно далек от такого понимания режима экономии, когда некоторые из наших хозяйственников на местах думают, что режим экономии сводится к тому, чтобы отменить кипяток для рабочих. Это не есть режим экономии, это есть преступление прогив режима экономии. Не это думал т. Дзержинский, когда он этот лозунг выбросил. Он прежде всего думал и говорил об упрощении аппарата управления, о рационализации труда, а не о том, чтобы сколотить лишний пятачок за счет рабочего кипятка. Это — бессмысленное понимание режима экономии, против которого прежде всего протестовал сам тов. Дзержинский. Самой последней заботой тов. Дзержинского была забота об **упрощевии нашего государственного аппарата**. Уже тов. Ленин неоднократно говорил, что наш государственный аппарат настолько громоздок, настолько бюрократичен, что нужно лбом прошибить эту стену. И тов. Дзержинский все последнее время страшно мучился этой проблемой. С каждым из нас он десятки раз снова и снова ставил вопрос о том, что система управления нашей промышленности должна быть эластичнее, что меньше должно быть бюрократического затора, что не должно быть идиотского хождения из инстанции в инстанцию, когда каждая бумажка проходит чуть ли не полгода, прежде чем дойдет до цели. Упорядочить эту систему, уничтожить ряд промежуточных инстанций, упростить аппарат, нанести удар бюрократизму — было одной из последних забот Феликса Эдмундовича. Он уже наметил план и целый ряд совершенно героических мер в этой области для радикальной перестройки нашего государственного аппарата и в первую очередь нашего хозяйственного государственного аппарата. Мы уверены, что он сделал бы это дело. Но смерть подкралась и задушила нашего друга. Тов. Дзержинский был страшно требователен к другим, но он был безмерно требователен к самому себе, и совершенно неудивительно и не случайно, а совершенно неизбежно было то, что 49-летний тов. Дзержинский умер после одной из своих речей. Это было неизбежно. Он столько работал, он столько мучился, он столько страдал, он столько вынес на своих плечах, он столько передумал и перечувствовал, он так перетрудился, что этот конец был для него неизбежен. Последним словом, последней мыслью тов. Дзержинского была мысль о единстве и упрочении единства нашей партии. Об этом говорил уже Алексей Иванович Рыков. Эту мысль тов. Дзержинский защищал с такою же страстью, с какой он защищал решительно все. Иногда было страшно трудно смотреть на тов. Дзержинского, потому что каждую мелочь он переживал так остро, он так волновался даже по каждому пустяку, что он никогда по существу дела не говорил. Его речь всегда была криком, всегда была воплем души. Говорил ли он о каком-нибудь улучшении в том или другом ведомстве или поднимал какой-нибудь большой вопрос, он всегда кипел, он всегда горел, — и он перегорел. Сказал нам свое последнее слово, сделал свое последнее завещание и умер.

Товарищи, наша эпоха, ведь, особенная эпоха. И людей она требует особенных. А так как, товарищи, особенные люди все же состоят из мускулов и из нервов телесно построены по образцу и подобию других людей, то они неизбежно должны будут уходить раньше, чем люди, которые живут спокойной, размеренной—на диэте—жизнью, вроде прежних священников православной церкви или современных немецких профессоров. Но мы, товарищи, можем сказать, что не будем ни капли завидовать этим людям. Наши люди, наши герои, наши работники, — а первым из таких был тов. Дзержинский,— живут меньше. Они уходят скорее. Но это ничего. Потому что бешеный бег истории рождает им на смену десятки новых. Мы, люди, стоящие во главе нашей партии, знаем сейчас, что, что бы ни случилось, наше дело не погибнет. Не погибнет никогда. Мы это знаем, потому что мы физически ощущаем ту гигантскую разницу, которая у нас есть сейчас, с тем, что было, когда мы вступили в революцию, и даже с тем временем, когда мы вступили в революционный 17-й год. Тогда высокограмотные политики нашей партии были наперечет, их можно было сосчитать на пальцах руки одного человека. А вот мы сейчас вернулись с пленума нашего Центрального Комитета, где сидело вместе с членами ЦКК больше 200 человек. Уже каждый из них если не первоклассный, то уже почти первоклассный политик, а огромный процент из них — это рабочие, которые выдвинулись на новую дорогу. И мы тоже знаем, что то, что было горсточкой стало сейчас полумассой, а завтра станет массой. И поэтому, когда мы видим, как сгорают наши люди, самые передовые борцы, соль нашей земли, мы говорим: несмотря на то, что всем нам до боли, до крика души горьки эти утраты, это ничего. Потому что они вместо себя создали сотни. Они могут спать спокойно. Дружная рать идет за ними. Рать, которая не предаст, которая головы своей не склонит, которая победу доведет до конца!

Памяти рыцаря нашей партии.

Сердце щемит от известья бессмысленно злого.
Рыцарь рядов героических пал в неустанной борьбе.
Сердца последний удар и свое последнее слово,
Партия наша стальная, он отдал тебе.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

М. Горький о Ф. Э. Дзержинском.

„Совершенно ошеломлен кончиной Феликса Эдмундовича. Впервые я его видел в 9—10 годах и уже тогда сразу же он вызвал у меня незабываемое впечатление душевной чистоты и твердости. В 18—21 годах я узнал его довольно близко, несколько раз беседовал с ним на очень щекотливую тему, часто обременял различными хлопотами, благодаря его душевной чуткости и справедливости было сделано много хорошего. Он заставил меня и любить и уважать его. И мне так понятно трагическое письмо Екат. Павловны *), которая пишет мне о нем: „Нет больше прекрасного человека, бесконечно дорогого каждому, кто знал его“.

Очень тревожно мне за всех вас, дорогие товарищи. Живя здесь, лучше понимаешь то, что вы делаете, и глубже ценишь каждого из вас. На душе — беспокойно и тяжело...

Нет, как неожиданна и несвоевременна и бессмысленна смерть Феликса Эдмундовича! Чорт знает что!“.

*) Пешкова.

Примечание: Письмо М. Горького тов. Ганецкому.

25907

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ т. ВОЛОДАРСКОГО
Ленинград, Фонтанка, 57

Главлит № 68.333. Заказ № 5898. Тираж 30.000 экз.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

Государственная
им. В. И. Ленина

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

МОСКОВСК

Государственная
Б...
СССР
им. В. И. Ленина

Государственная
Б[illegible]А
им. В. И. Ленина

Цена альбома 3 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„УГОЛОК ЛЕНИНА“
СКЛАД ИЗДАНИЙ:
Москва, I Тверская-Ямская, д. 24, пом. 6.
Телефон № 2-17-87.

2020074784